

Russ.

256

g

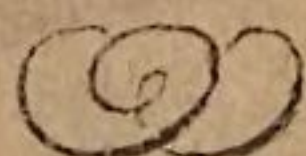

● Russ. 256⁹ Alyševskij.

Кузнецкий
ЧТО-ТАКОЕ

ИСТИННО-РУССКАЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА?

Очеркъ современнаго соціальнаго
положенія Россіи.

Николая Альшевскаго.

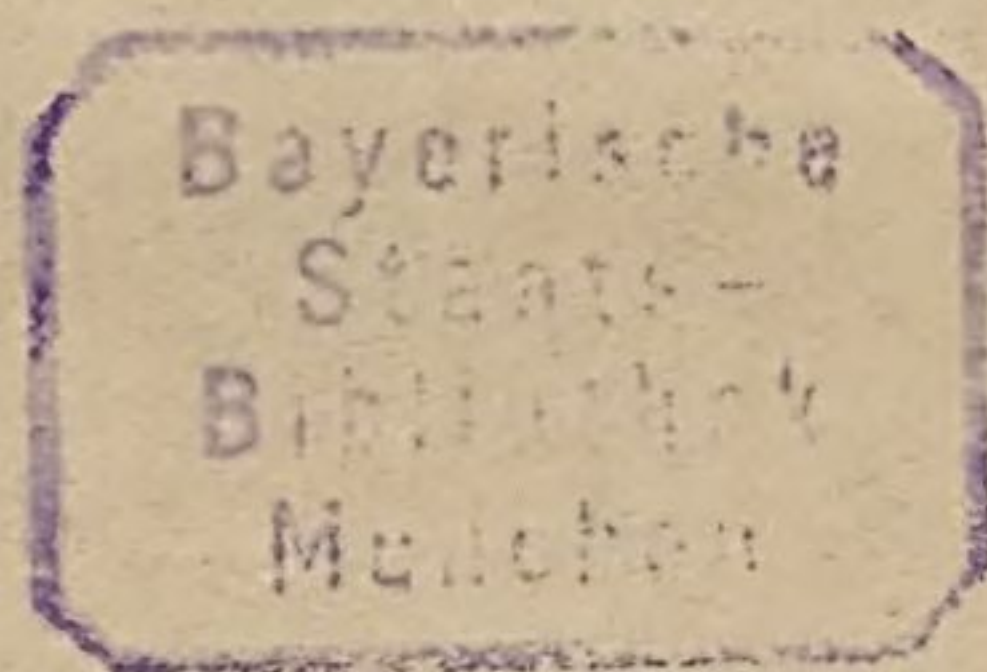

Bayerische
Staatsbibliothek
München

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типогр. М. Эттингера, уг. Невск. и Лит. пр., д. № 66—78
1882

5. 5786

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- Стр.: 1—34. Въѣсто предисловія, —общій абрисъ отрица-
тельныхъ и положительныхъ признаковъ истин-
но-русской государственной программы. —
- „ 34—51. Програмный *пунктъ первый*, — земельный:
собираніе русской земли. —
- „ 51—78. Программный *пунктъ второй*, — земскій: со-
бираніе дѣла и русскихъ людей. —
- „ 78—97. Программный *пунктъ третій*, —законо-основ-
ной, архитектурный и политико-организатор-
скій: строительство истинно-русскихъ учрежде-
ній и контрольно-гарантирующихъ государст-
венно-общественныхъ порядковъ. —
- „ 97—124. Возможно-ли осуществить истинно-русскую
государственную программу, и наличность от-
рицательныхъ и положительныхъ къ тому мо-
тивовъ и средствъ: современные и программные:
агрикультура и строй хозяйственный, государ-
ственная казна и финансы. —
- „ 124—143. Нужно-ли исполнить истинно-русскую госу-
дарственную программу, —политично-ли оказать
довѣріе дѣлу „собиранія земли и людей“:ничтож-
ность нынѣшней политической смуты, степень

вѣроятнаго національно-русскаго патріотизма
и цѣли государственной полиціи и поли-
тики. —

- „ 143—157. Наличие и характеръ надёжно-консер-
вативныхъ и, вмѣстѣ, подлинно-прогрессивныхъ
качествъ русскаго народа, и—признаки истин-
ныхъ цѣлей нашей государственно-обществен-
ности: русская интеллигенція и простой на-
родъ, интеллигентная правоспособность, культур-
ность и ширина общественно-государственныхъ
идеаловъ русскаго народа, и воспитательно-граж-
данственныя задачи государственной политики. —
- „ 157—174. Интенсивность запросовъ народнаго ума-ра-
зума и духа: исканіе свѣта умственного и
правды житейской. —
- „ 174—184. Польза государственная и неизбежная необходи-
мость возможно-полнаго удовлетворенія народ-
ныхъ идеаловъ государственно-общественныхъ,
духовно-нравственныхъ и мистически-религі-
озныхъ: русско-государственныя задачи сог-
ласованія жизни дѣйствительной—съ народ-
ной вѣрой въ нее, реальныхъ порядковъ пра-
вовыхъ—съ симпатіями народа, внутренняго
народнаго умственного и духовно-нравственнаго
міросозерцанія—съ внѣшнимъ бытомъ: прав-
дивой свободы церкви, совѣсти, слова и пе-
чати. —
-

Бѣдность и нищета духовная, голоданіе и невѣжество 60-ти слишкомъ милліоновъ человѣческихъ душъ, а въ остальныхъ милліонахъ: или такая-же бѣдность духовная рядомъ съ сытостью, или—болѣе или менѣе просвѣщенное, но хищное кулачество, или, наконецъ, высокое стремленіе къ прекраснымъ идеаламъ, но не удовлетворенное, угнетенное недостаткомъ простора для дѣятельности духовной, разладомъ внутреннихъ идей съ дѣйствительной жизнью, — вотъ каковъ быть Россіи, вотъ каково въ общихъ чертахъ состояніе нашего современнаго общества. И рядомъ съ безотрадностью такого положенія русскихъ дѣлъ, обширная и обильная всѣми благами страна, знаменитая и пространствомъ своей территоріи, и колоссальностью физическихъ богатствъ, и роскошью природныхъ духовныхъ качествъ населенія,

и удачей агломерации своей государственности..
Какая же причина всѣхъ нашихъ теперешнихъ бѣдъ,
отчего произошло это нестроение русской земли, и
почему русское государство, при всей его мощности
природной и счастливой организации исторической,
терпитъ въ своей жизни такія бѣды и печали? При-
чина всѣхъ нашихъ напастей—въ нашей неумѣ-
лости выбрать и неуклонно держаться того исто-
рическаго пути, который предназначенъ самою
нашею судьбою. Русь томится и страдаетъ потому,
что мы ведемъ ее не туда куда нужно, что мы,
выразители ея голоса и желаній, не умѣемъ или
не можемъ, увлекаясь въ своихъ поискахъ за
счастьемъ, воспользоваться и тѣмъ необыкновен-
нымъ счастьемъ, которое дано, указано и пред-
назначено уже намъ Провидѣніемъ. Мы русскіе
люди, зрячіе и такъ чуткіе въ собственныхъ ма-
ленькихъ дѣлахъ, не умѣемъ вовсе видѣть и по-
нимать себя въ совокупности, не научились ви-
дѣть и чувствовать нужды всего своего народа,
не знаемъ его, не можемъ слышать народаго
голоса, который раздается глухо и не явст-
венно, а потому долженъ быть понятъ и раз-
гаданъ—и умомъ, и изученіемъ и, болѣе всего,—

нашимъ чувствомъ. Мы изучаемъ ревностно наше отечество, много и очень много трудимся надъ открытіемъ разныхъ недуговъ родной земли, видимъ полностью всѣ пятна на фонѣ нашей жизни, пламенѣемъ желаніемъ уничтожить и залечить всѣ наши болѣзни, но ищемъ лекарство не у себя дома, а у другихъ такихъ-же больныхъ, еще хуже разслабленныхъ. Въ этомъ заимствованіи цѣлебныхъ средствъ — первая и горьшая бѣда наша: вылечиваемъ одно и наживаемъ другое, избавляемся одной бѣды и подпадаемъ другой напасти, еще худшей. Такъ всегда будетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока не взглядимся въ самихъ себя настолько, что поймемъ опасность не временной болѣзни, которая проходитъ очень часто сама собою, а самого лекарства неправильно избраннаго. Чтобы выбрать дѣйствительно полезное лекарство — мало науки, недостаточно докторскихъ приказаній и авторитетовъ, но нужно еще не заглушать и природнаго своего инстинкта, нужно спросить себя, нѣтъ-ли тамъ, внутри, непонятнаго, но чувствуемаго отвращенія къ лекарству, котораго если ужъ не испилъ, то успѣлъ понюхать. И если такое отвращеніе даетъ себя чувствовать, то это гово-

рить голосъ самой природы, — его надо слушать и уважать повиновениемъ. Пусть останутся вотще и голосъ науки, и знанія, и опытъ, и авторитеты и благоденствіе видимое другихъ, лечившихся цѣлебнымъ, рекомендуемымъ снадобьемъ, — но я чувствую противоположныя указанія своей собственной природы, крѣпко вѣрю ей и отказываюсь подражать леченіемъ, если мои внутренніе духовные инстинкты запрещаютъ мнѣ и этотъ рецептъ, и отвращаютъ отъ навязываемаго лекарства. Государственному организму тѣмъ болѣе необходимо и въ леченіи, и для сохраненія своего здоровья, — такое-же духовное самоизученіе наряду съ внѣшнимъ самосознаніемъ, такое-же внутреннее самосозерцаніе наряду съ опытнымъ наблюденіемъ и анализомъ міра внѣшняго, такое-же отвлеченное и мистическое послушаніе своему инстинктивному чутью наряду съ исполненіемъ разумомъ предписываемыхъ требованій жизни. Даже болѣе того: тутъ, въ государственномъ организмѣ, подобное согласіе вѣдѣній духа и разума еще необходимо, потому что устанавливается труднѣе — множественностью и разнообразіемъ отдѣльныхъ подобныхъ соглашеній всѣхъ единичныхъ, государство

составляющихъ представителей духа и разума. Индивидуальный организмъ, носитель парной только ассимиляціи духа и разума, борется только между однажды-предписаніями знанія и велѣніями чувства, легче самоизучается и скорѣе понимаетъ, и устанавливаетъ соотвѣтственное примиреніе двухъ своихъ духовныхъ началъ, — и обуславливаетъ свои дѣйствія уже результатомъ этого внутренняго самосозерцанія. Государственный же организмъ — дѣло иное: тутъ къ трудности вообще правильной работы человѣческаго самосозерцанія присоединяется еще необходимость найти одинъ, но всеобъемлюще - цѣлостный результатъ и программу жизненныхъ дѣйствій — изъ множества отдѣльныхъ результатовъ работы индивидуальных разума и чувства.

Но работа индивидуального *я* слишкомъ микроскопична, слишкомъ узка и одностороння для примѣненія ея выводовъ къ колоссальному *я* — государству; работа и выводы отдѣльнаго самосознанія мало и не всегда пригодны въ руководство и индивидууму, если выводы этого самосознанія получились односторонне, безъ участія въ ихъ дѣлѣ обѣихъ составныхъ половинъ

человѣческаго я: разума и чувства. Сколь-же мало, судите, пригодно это одностороннее, только умственное, міровоззрѣніе въ нормы и правила управленій органической жизни государственной, составленной, примѣрно, изъ 80-ти милліоновъ жизней индивидуальныхъ: или нравственно-чувствующихъ, но безсознательно-глухихъ и потому нѣмыхъ, или относительно зрячихъ и гласныхъ, но приверженныхъ инстинктамъ пошло-животнымъ, или, наконецъ, — жизней разумомъ могучихъ, но съ чувствомъ одностороннимъ, притупленнымъ, подавленнымъ суевѣрнымъ и фальшивымъ доктринерствомъ. Программа государственнаго строенія и путевожденія, въ такомъ случаѣ, должна выразиться только примиреніемъ, согласованіемъ и воспринятіемъ всей совокупности желаній, помышленій и чувствованій человѣковъ-гражданъ. А выработка этой программы есть дѣло, конечно, не того, кто или только чувствуетъ, но не отдаетъ себѣ отчета, и не тѣхъ, кто подавилъ въ себѣ все лучшее-человѣческое, а тѣхъ, именно, сыновъ и членовъ государства, кто возвысился до полного самосознанія и стремленій высокихъ, до желанія питать въ себѣ и поддер-

живать прекрасные помыслы и паренія своего духа, до сознанія долга и непреодолимаго влеченія — приложить человѣческій идеаль, въ лучшемъ его видѣ, къ самой жизни и приобщить къ этой истинно-человѣческой жизни всѣхъ отставшихъ или умышленно отъ нея отпавшихъ.

Дѣло нравственныхъ и самоотверженныхъ носителей духа и разума, дѣло интеллигенціи, именно, и есть дѣло вѣстѣ и разума, и *духа*: обязанность ея священная — учить и просвѣщать, самому учась и просвѣщаясь не мыслью-разумомъ только, но и чувствомъ; строить и лечить жизнь, не ломая ее и выправляя по шаблонамъ, а направляя по путямъ, въ одно и тоже время, и обдуманно избраннымъ, и изученнымъ и, болѣе всего, — провидѣннымъ, чувствомъ отгаданнымъ... Русской интеллигенціи прозрѣвать и воспринимать инстинктомъ эти пути народной жизни — обязательно болѣе, чѣмъ какой другой, потому что на ея рукахъ и попеченіи многомилліонный дитя-народъ, не много мыслящій, но много хранящій въ себѣ залежей наивнаго и трудно-уловимаго, но добраго чувства: понять и отгадать хотѣнія этого народа, изучить его нужды и стремленія — нельзя умомъ и холоднымъ

анализомъ опытнаго и ученаго только разума. Народъ надо знать и разумѣть, но безъ чувства — нельзя проникнуть въ тайники сокровенныхъ его думъ, какъ невозможно уразумѣть и раздѣлить горя и радостей ребенка тому, кто не можетъ или разучился мыслить и слышать, видѣть и понимать не всегда только умомъ и черствымъ разсудкомъ, но и вдохновеннымъ чувствомъ.

Такой-то, именно, непосредственно-наивной, мистически-инстинктивной и самоувѣренной философіи намъ и не достаетъ въ нашихъ ежечасныхъ, но покуда безплодныхъ поискахъ за разрѣшеніемъ задачи: что дѣлать на Руси?.. Интеллигенція наша умна, разумна, учена и много учена, много добродѣтельна, но нашъ умъ — холодный, безпощадный, черствый и близорукій анализаторъ факта только, а не жизни въ цѣломъ ея объемѣ; наша ученость — кропотлива, тенденціозна и не подогрѣта искреннимъ правдолюбіемъ; наша добродѣтель не самоувѣренна, боится только внѣшней совѣсти, но не вѣритъ собственному чувству, не умѣетъ видѣть добро тамъ, гдѣ оно есть, не терпитъ зла, когда оно открыто, и не можетъ его остеречься и разгадать, когда требуется ося-

зять и чувствовать фальшь и неправду духовными очами. Мы разбрасываемся въ мелочахъ, подходимъ къ ихъ изученію во всеоружіи знаній и таланта, торжествуя своей ученостью и властію надъ крохотными пустяками, и скромно умалчиваемъ или сознаемся въ неумѣніи дать отвѣтъ на жизненный запросъ тамъ, гдѣ отвѣтъ такой уже давно лежитъ готовымъ внутри насъ-же самихъ. Мы слишкомъ священнодѣйствуемъ, такъ сказать, въ своей замкнутой лабораторіи изученія жизни, а потому, видя и осязая эту самую жизнь, какъ она есть проста и явственна, умышленно закрываемъ глаза и ищемъ входа туда, куда войти можетъ всякій непредубѣжденный въ необходимости этого quasi-научного, банально-мелочного священнодѣйствія. Извѣрившись слишкомъ въ творящую силу человеческого духа, мы требуемъ знаній и знаній, опыта и наблюденій, науки и знакомства съ жизнью, забывая или не желая признать и согласиться, что жизнь отъ насъ убѣгаетъ, именно, потому, что мы, въ своемъ поклоненіи излишнемъ рутинерскому докринарству, ловимъ и усваиваемъ обстоятельно только верхи жизни или наносныя ея пятна, но сути-то самой

вещей разгадать не умѣемъ и не можемъ. И это бесплодное накапливаніе жизненныхъ фактовъ, это жизненное, такъ сказать, буквоѣдство и недантическая, бесполезная, ученость будутъ тяготить и истощать наши силы до тѣхъ поръ, пока не возстановятся права человѣческаго духа столько же, сколько теперь властвуетъ доктрина, реальность и позитивный, безчувственно-черствый разумъ, — анализаторъ только, но не строитель жизни. Оттого и люди наши образованные и честные, надежда и оплотъ счастья Россіи, мечутся-томятся покуда въ тягостныхъ поискахъ за правдой жизни, но труды ихъ бесполезны или влекутъ за собою преждевременную и для страны несчастную гибель свѣжихъ и лучшихъ силъ ея работниковъ. Правда настоящая нужна, прежде всего, въ нашихъ собственныхъ сердцахъ, а потомъ — въ жизни найдется; вѣра, теперь, нужна въ наши внутреннія силы — прежде всего и больше всего; идеалы нужны необходимо, но изъ насъ-же взятые, въ насъ уже заложенные, а потомъ — прійдутъ, уже сами собою, и силы внѣшнія, и опытъ, и знаніе всѣхъ подробностей жизни и нашей будущей исторіи... Россіи нужна — сейчасъ и прежде всего — фило-

софская программа, нужно правдивое и трезвое государственное міровоззрѣніе такое, каково оно должно быть, какъ теперь уже есть и теплится въ нашихъ собственныхъ добрыхъ и отзывчивыхъ душахъ. Требуются тѣ идеалы, которые всякій знаетъ и чувствуетъ, если захочетъ чувствовать искренне, въ своей собственной душѣ, — или мы ихъ никогда не выработаемъ, сколько-бы не смотрѣли и въ книги, и въ самую жизнь нашу, и на Западъ и Востокъ... Нужно и нѣкоторое самопожертвованіе, если въ насъ искренность рождается съ болью и идеаль укоренился излюбленный, но чуждый правды общей. Самопожертвованіе необходимо во имя правды божеской и человѣческой, счастья и блага русскаго. И оно, это благодѣтельное искреннее или самоотверженное отрезвленіе и воспріятіе истиннаго идеала русской жизни прійдетъ, если мы только смѣло и безбоязненно посмотримъ въ себя, отбросимъ и забудемъ злобу, и все временно-наносное, воспримемъ въ себя больше вѣры, больше самоувѣренности и уваженія къ силѣ человѣческаго духа, оставимъ на время наше излюбленное или заим-

ствованное, несчастное преклоненіе передъ рутинной и часто слѣпымъ докринарствомъ...

Русскій государственный корабль нуждается не въ кормчемъ, ибо государственный Путеводитель Россіи поставленъ намъ Богомъ въ Цари,—Русь нуждается только въ счастіи всегда пользоваться тѣмъ курсомъ и тѣми путями жизни, которые избраны и предназначены для нее ея незабвеннымъ Освободителемъ. Она проситъ и молить только, чтобы ея духовные, интеллигентные вожди сами не разлучались съ духомъ и цѣлями роднаго народа; чтобы русская интеллигенція вѣрно и правдиво служила выразителемъ и истолкователемъ и передъ Престоломъ, и передъ лицомъ самой жизни истиннаго призванія своей родной земли...

Чѣмъ-же намъ быть? Быть намъ нужно тѣмъ-же, что мы теперь: съ Царемъ во главѣ, 80 милліоновъ русскихъ свободныхъ гражданъ, изъ которыхъ 80% — землевладѣльцевъ-собственниковъ и только остальные 20% — купцы, ремесленники и интеллигенція!.. Гдѣ-же тѣ пути Россіи, охранять и расчищать которые призвана для народа русская интеллигенція? Свободное и безпечальное развитіе уже существующей русской жизни, от-

вѣчаю я, съ отбросомъ всего того, что остается или наслонилось на этой дорогѣ недоразвитого, недобраго, чуждаго и не сроднаго характеру русскаго государства. Объяснимся.

Настоящая бѣдность и бездолье — несродны характеру русскаго государства. Русь не только не должна попрошайничать у Запада или у кого другого и выплачивать имъ ежегодно сотни милліоновъ % - вѣ за позаймствованія, которыхъ къ тому-же она не можетъ отдавать какъ слѣдуетъ и принуждена оплачивать бѣльшею частію новыми векселями - кредитками, — но русскій народъ и государство могутъ сами и должны сами кормъ доставлять Западу и инымъ другимъ взаимѣнъ той дребедени, что готовятъ они тьму тьму-щую на своихъ фабрикахъ за недостаткомъ земли. Тѣмъ болѣе, не къ лицу Россіи — вчерашній голодъ и теперешнее кое-гдѣ бездолье. Изъ-за того, что у мужика нѣтъ сохи да лишней скотины или добавочной десятины - другой земли — въ отчаяніе приходитъ нечего, но нельзя также и терпѣть такого безпорядка, ибо земли этой у насъ, слава Богу, вволю, а коли это есть, то все прочее найдется само собою. —

Если русскій мужикъ шатается и голодаетъ по городамъ и весямъ подъ фирмою «рабочаго», то это тоже не напасть и не символъ какой, а только временный безпорядокъ опять-таки: такого голоднаго и невольно-добровольнаго самозванца слѣдуетъ только для водворенія порядка обратить вспять, надѣливъ сколько требуется землей. Если русскій купецъ начинаетъ проявлять кулачество или рядится въ буржуа, для процвѣтанія якобы благодѣтельной отечественной мануфактуры и промышленности, то его слѣдуетъ только не баловать ни закономъ, ни щедростью казны, — и нашъ кулакъ или буржуа либо исчезнетъ съ лица земли, либо приметъ другую болѣе для него подходящую и для нашего государства полезную личину: такова сила добраго закона и такъ уже цѣлительна будетъ въ этомъ случаѣ — скупость и бережливая замкнутость казеннаго сундука, не податливаго на разные «субсидіи», «покровительственные тарифы», «концессіи» и. т. п. привилегіи, и казенные милости и подачки, поощряющіе, какъ извѣстно, не полезную промышленность, а міроѣдскіе и буржуазные аппетиты... Если русскій помѣщикъ бѣдствуетъ отъ осудѣнія и, жалуясь

на расшатавшееся свое благополучіе, пророчить по сему случаю скорое и безпремѣнное оскудѣніе добра и правды въ русской землѣ, и даже предсказываетъ, все отъ того-же своего личнаго оскудѣнія, близкую и неминуемую погибель самого государства,—то такіа ламентации либо своекорыстны, либо суть, въ большинствѣ случаевъ, честныя, но безсознательныя указанія родившагося въ самомъ помѣщикѣ желанія лучшей позиціи и дѣятельности, чѣмъ та которую онъ занимаетъ теперь. Честный и добрый нашъ помѣщикъ—такихъ большинство, признанное всей нашей печатью—плачетъ не о потерѣ прошлаго, онъ жалуется больше на безцѣльность своего настоящаго существованія и непроизводительную растрату своихъ полезныхъ интеллектуальныхъ силъ въ настоящемъ. Масса нравственныхъ нашихъ помѣщиковъ сознаетъ и давно понимаетъ, что то жалкое, несчастное—до смѣшного «кропаніе» земли, которымъ помѣщикъ теперь занимается, при помощи вольнонаемнаго труда и безъ помощи собственныхъ знаній, капитала и труда, перетасовываетъ только его приходъ съ такимъ же почти расходомъ, кладетъ въ землю столько-же, если

не больше, сколько и беретъ изъ нея. Помѣщикъ, не возвысившійся богатствомъ и условіями мѣстности до лэндлордства, чувствуетъ бремя, а не пользу для себя въ своей землѣ: бросить нельзя, потому что нѣтъ другого дѣла и поприща помѣщику, любить землю и кормиться, какъ нужно, отъ нея не можетъ помѣщикъ оттого, что не привыкъ любить землю, какъ любить холить ее американскій мелко-помѣстный владѣлецъ или нашъ крестьянинъ.

Кормиться-же отъ земли безъ труда собственнаго въ Россіи невозможно оказывается, ибо не достаетъ для этого необходимаго условія: земледельческаго или фермерскаго пролетаріата.

И вотъ, ходитъ нашъ помѣщикъ въ такихъ условіяхъ, какъ бѣлка въ колесѣ: или кулачествомъ долженъ заняться, чтобы существовать на своей землѣ, или настоящимъ дѣломъ заняться, но дѣла земельного не умѣетъ дѣлать, а дѣла другого или тоже не знаетъ, или не находитъ. Вотъ поэтому-то, русскій помѣщикъ и чувствуетъ, если не сознаетъ уже, что ему нужно *или столько земли*, чтобы стать помѣщикомъ-земледѣльцемъ, или бросить совсѣмъ и свое званіе исторіей рас-

штанное, и свою бездоходную или обременительную землю, а самому искать иного дѣла.

И дѣйствительно, есть и дѣло помѣщику, дѣло доброе, желательное и въ высшей степени полезное и ему, и государству, — есть и преемникъ для помѣщичьяго наслѣдія-земли. Наслѣдство помѣщичье принять и купить можетъ и должна русская земля-государство, а дѣло доброе и полезное дадутъ помѣщику тѣ-же народъ и государство. Но объ этомъ скажемъ ниже.

А наша интеллигенція, безземельная и дѣловая, или многоземельная и многосильная, чѣмъ ей быть?

Неужели слѣдовать девизу: *après nous le deluge*, неужели — отличаться полнымъ воздержаніемъ отъ того, что душу волнуетъ и мысль человѣческую будить, и, махнувъ на все рукою, ограничиться единственно только удовлетвореніемъ чисто-животныхъ, растительныхъ инстинктовъ, какъ одна, хотя и малая, но сильная и сытая, давно сытая ея часть?..

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Хочется вѣрить, что и въ этой менѣе симпатичной части представителей нашего общественнаго ума-разума окончательное и

эгоистически-безумное маханіе руками на все и
и вся, что есть лучшаго въ человѣкѣ и его приз-
ваніи, происходитъ болѣе по недоразумѣнію, а не
вслѣдствіе внутренней испорченности и безсодер-
жательной душевной пустоты.

Изстари велось и будетъ конечно, что духъ пред-
ставителей всѣхъ классовъ русскаго народа, отъ мала
до велика, тѣмъ и отличался, что стремился всегда
стать на высоту лучшихъ человѣческихъ помысловъ,
жаждалъ свѣта, правды и всечеловѣческаго, во
имя сострадателей любви къ ближнему, общенія
въ мирѣ и добромъ согласіи съ другомъ и не-
другомъ. Прослѣдите исторію русскаго высокопо-
ставленнаго дворянства, — и мало найдете на немъ
такихъ пятенъ, которыя заставили-бы всякаго
безпристрастнаго и искренняго человѣка отвер-
нуться отъ русскаго боярства, сказать, что оно
носитель феодальныхъ или буржуазныхъ идеа-
ловъ: боярство разума, знаній и образованности, дво-
рянство въ преданности Царю и отечеству, и
аристократія — души и сердца, милостиво — снисхо-
дительнаго отношенія къ тому, что низко, бѣдно
и темно, — таково было и есть призваніе на Руси
дворянства не сословнаго, а интеллектуальнаго.

Много горя, много розни и распрей, много заблуждений и грѣха рождается у насъ не по винѣ кого-бы то ни было, а по невѣденію самихъ себя, по впечатлительности нашего русскаго характера, всегда увлекающагося не тѣмъ, что вѣковѣчно-истинно, но трудно и съ пожертвованіями достижимо, а больше — тѣмъ, что ближе, что легче дается, что заманчивѣе...

Хотя, съ другой стороны, таже впечатлительность, отзывчивость, ширина и талантливость нашей натуры — и есть вся наша теперешняя надежда на лучшее будущее. Помогите русскому человѣку: нагляднымъ примѣромъ общности интересовъ, трезвымъ и неустоящимъ стояніемъ за правду, честнымъ и правдивымъ только словомъ даже; дайте ему силы какимъ-нибудь способомъ обстановки его жизни не пугаться всей тяготы подвига — быть всегда бодрымъ и крѣпкимъ духомъ, облегчивъ съ этой цѣлью сколько можно внѣшнія усилія труда: и подкрѣпляющимъ примѣромъ, и возможною близостью осуществленія цѣли и общественнымъ поощреніемъ этаго душевнаго подвига, — и таже русская впечатлительность, отзывчивость къ свѣту и

правдѣ спасуть и дѣло, и заставятъ воспрянуть духъ, казавшійся непробудно-спящимъ, подавленнымъ и извращеннымъ внѣшней суетой въ пользу однихъ, только тѣлесныхъ, изменныхъ человѣческихъ инстинктовъ...

Что дѣлать и остальной части русской интеллигенціи, менѣе праздною, но тоже мало близкой къ настоящему дѣлу, той интеллигенціи нашей, которую меньшая обеспеченность и большая жизнедѣятельность заставляютъ стремиться къ труду и дѣлу, а малая устойчивость, безъидеальность и нестроение нашей жизни ежеминутно выбиваютъ изъ колеи, толкаютъ въ рутину или апатичность, осуждаютъ на вынужденное бездѣліе, или обездоленное прозябаніе и тупое оттого озлобленіе... Вотъ, передъ вами—земскій интеллигентъ, русскій мыслящій человѣкъ, полный силъ и во всеоружіи опыта и знаній,—представляетъ интересы дѣловой трезвой жизни села, деревни и города, или поддерживаетъ интересы духа человѣческаго въ школѣ.

Но всмотритесь,—наружность обманчива: эти люди дѣло свое дѣлаютъ нехотя, апатично и спустя рукава, не вѣрятъ и дѣлу, которому слу-

жать и идеѣ, которая ихъ иногда одушевляетъ, какъ не вѣруютъ они въ самоё себя и въ твердость и искренность своихъ убѣжденій...

А происходитъ такая раздвоенность, половинчатость всего существа нашего образованнаго человѣка опять потому, что онъ человѣкъ русскій: слабый, колеблющійся человѣкъ подъ гнетомъ тѣхъ разнородныхъ впечатлѣній, которыя гонятъ въ его душу его-же собственная впечатлительная натура, и съ которыми ему не подъ силу справиться самому безъ руководства опредѣленной программой, сообща выработанной, усвоенной обществомъ и твердо-настойчиво преслѣдуемой государствомъ.

Земецъ не успѣваетъ въ дѣлахъ не потому, что онъ не хочетъ или не можетъ этого, а потому что слишкомъ хорошо уже изучилъ — какъ не странно это — нужды и потребности дѣла, которому служить, слишкомъ распозналъ видимыя и наличныя средства исполненія этого дѣла. Дѣло вполне изучено, потребности и его нужды выяснены, но средствъ ихъ исполненія не оказывается на лицо, — и у земца опускаются немощно руки, онъ разочарованъ и бездѣйствуетъ... Средства-бы и отыскались, но ихъ нельзя взять

руками, надо воспринять духовно, а русскій человекъ воспитанъ суевѣрно, на чужихъ и ложныхъ идеалахъ; онъ и чувствуетъ подчасъ тщету и фальшь этихъ идеаловъ, предугадываетъ чувствомъ суть и правду родной жизни, угадываетъ даже гдѣ взять и средствъ самихъ къ обновленію этой жизни, но не вѣритъ себѣ и не хочетъ знать своего непосредственного чувства, лезетъ въ доктрину и обвиняетъ государство во всемъ...

Государство-же съ своей стороны не вѣритъ или привыкло не давать вѣры словамъ русскаго человека, ибо трудно отличить въ этихъ мечтаніяхъ и безсодержательныхъ ламентацияхъ, гдѣ правда и гдѣ ложь, гдѣ общество идетъ въ-руку съ цѣлями государственными и гдѣ противорѣчія съ призваніемъ Россіи.

Было бы и легче государству вѣрить обществу, и труднѣе явиться всякимъ противорѣчіямъ въ нашей жизни, если-бы явилась, окончательно, твердая и истинная государственная программа.

Но такого твердаго и ясно-опредѣленнаго государственнаго девиза Русь къ несчастью, повуда, не имѣетъ, —отсюда наше нестроеніе, наши бѣды и нашъ ужасающій общественный разладъ. Разладъ

и въ земствѣ, разладъ и въ школѣ, и во всѣхъ ячейкахъ нашей общественной жизни; разладъ и недомоганіе внутреннее и вѣшнее — и въ бюрократіи, и въ печати и въ молодомъ нашемъ поколѣніи. Безъ точной программы и путеводныхъ идей бредемъ мы въ разбродъ, надрываемъ наши силы въ праздномъ, мечтательномъ донкихотствѣ и погонѣ за призраками, и на каждомъ шагу теряемъ существенное изъ виду, громоздимъ ошибку за ошибкою, все болѣе и болѣе запутываемся въ своемъ, по истинѣ, вавилонскомъ столпотвореніи... А между тѣмъ жизнь заволакивается кое-гдѣ тиной-плѣсенью, растутъ бѣды и всякія напасти, и Русь томится въ этой смутѣ вмѣсто того, чтобы быть вполне счастливой...

Выработаемъ-же общую и всѣмъ полезную программу нашихъ русскихъ дѣйствій, поищемъ путеводныя нити нашей государственности. Будемъ искренни — прежде всего, и настойчиво-осмотрительны въ своей мысли и словѣ; разберемъ и проверимъ сдѣланное и сказанное, сведемъ наши желанія къ одному знаменателю!

И дѣйствительно, въ глубинѣ насъ уже живетъ святая правда, хотя и смутная покуда; мы про-

зрѣваемъ уже истину и цѣль нашей жизни, чувствуемъ и причину всѣхъ золъ и злобъ нашихъ дней, хоть и боимся въ томъ признаться и не рѣшаемся открыто и чистосердечно въ томъ высказаться: неувѣренность въ себѣ и пристрастіе наше пагубное въ суевѣрнымъ, воспитаніемъ въ насъ впитаннымъ, догматамъ, а болѣе всего, нашъ разбродъ и непрограмность мѣшаютъ тому и губятъ насъ.

Исповѣдать свою вѣру и убѣжденія, только не взлелѣянные искусственно, а искреннія и настоящія свои думы и помыслы, прежде всего, должна высказать наша лучшая интеллигенція, та интеллигенція, что Богомъ отличена всякими талантами и говоритъ теперь много, но смутно: пользуется своими талантами только для красоты формы слова, а не его истины.

Пусть прозвучитъ слово продуманное, а не выученное и пригнанное къ шаблону и предвзятой формѣ, ради прославленія всякихъ излюбленныхъ доктринъ, или—пріуроченное только къ фактамъ нашей жизни, хоть вѣрнымъ и печальнымъ, но мелко-ничтожнымъ и преходящимъ, исчезающимъ какъ ночь передъ свѣтомъ, какъ болѣзнь

ствола и вѣтвей дерева по излеченіи его корней... И правдивое, чистое, изъ души выпавшее такое слово найдетъ слушателей, дастъ плодъ, разрушивъ то средостѣніе и недовѣрчивость, которыя мѣшали и мѣшаютъ повуда, по этимъ причинамъ нашего безсодержательнаго, все помрачающаго, многоглаголанія, доходить здравому и трезвому голосу народа до его верховнаго Вождя.

Искренность въ нашихъ чувствахъ родить: и увѣренность въ силахъ и единеніи народа и общества, родить и создать — и общеніе, и нелицемерную дружественность въ отношеніяхъ народа и общества, всего государства и его Вождя. Въ этомъ общемъ единеніи и взаимномъ нашемъ довѣріи и дружествѣ — и залогъ того довѣрія, которое мы счастливо заслужимъ у Царя вмѣстѣ съ нашимъ собственнымъ духовнымъ прозрѣніемъ, въ немъ-же, въ этомъ желательномъ и возможномъ единеніи и урегулированіи общественныхъ нашихъ идеаловъ, лежитъ и наша надежда, якорь спасенія и залогъ избавленія скорого отъ всѣхъ золъ и бѣдъ.

Разъ случится, съ божьей помощью, такая провѣрка и очистка нашихъ идеаловъ, явится и

прозрѣніе, и облегченіе душевное, и отыщется, само сабою, то поле дѣйствій и поприще нашей интеллигенціи, на которомъ встрѣтитъ ее жизнь радостно, какъ званыхъ и избранныхъ, а не какъ отверженныхъ и беспочвенныхъ словесныхъ бойцовъ, гласъ которыхъ раздастся въ пустынь, и дѣло которыхъ либо пользы не приноситъ, либо вовсе не находитъ спроса, какъ теперь.

Я глубоко убѣжденъ, что такое единеніе Царя, общества и народа принесетъ и Россіи настоящую ея истинную программу и политику государственную, и народу благо, и интеллигенціи нашей спокойствіе и миръ духовный, мощную и здоровую дѣятельность, завидное призваніе и многополезную результатами жизненную дѣятельность.

Прекратится тогда и беспочвенность, оторванность русской интеллигенціи отъ народа, ибо истинная государственная программа приблизитъ интеллигенцію къ народу не духовно только, но и матеріально, не словомъ и помысломъ только, но и дѣломъ; явятся тогда и средства осуществить на практикѣ всѣ лучшіе, но истинные идеалы жизни, безплодно и мучительно томящіе теперь каждый нашъ образованный и честный умъ въ

разладъ постоянномъ идеи и факта жизненнаго, дѣйствительнаго.

Прекратится, тогда, пагубный и невыносимый сонъ и бездѣйствіе, мечтанія и праздная тоска въ нашей землѣ, гдѣ покуда интеллигенція не находитъ себѣ пищи и живой дѣятельности, потому что занимаетъ только прибавочную, но не существенную ступень общественной іерархіи, штатное, такъ сказать, декоративное только положеніе. Истинная-же государственная программа заставитъ, даже попросить все, что есть молодого еще духомъ, свѣжаго и сильнаго, воспрянуть изъ засто-
я или бездѣйствія и начать работу живую, самой жизнью нашей требуемую.

Прекратится, тогда, и въ нашей бюрократіи—самонадѣянная и напыщенная гордостью и презрительнымъ отношеніемъ къ народу—приверженность къ деспотическому произволу, неправдѣ и пессимизму искреннему или фарисейскому; исчезнетъ и то пагубное стремленіе править туго натянутыми возжами, и то ревнивое чувство къ неприкосновенности и широтѣ власти, поддерживаемое теперь опасливой и суевѣрной недовѣрчивостью къ общественной правоспособности пони-

мать и любить порядокъ и разумную власть, уважать законность и должныя границы независимости.

Не останется, также, и слѣда самого чиновничества, той инертной, приниженной, безличной и сбросившей съ себя все лучшее человѣческое, за право полуголоднаго, полупразднаго, гнустнаго прозябанія, среды нашего общества, которая, вывѣтрившись и заплѣсневѣвъ въ настоящихъ условіяхъ своего быта, справедливо вызываетъ, въ одно и тоже время, и гадливое, и сострадательное презрѣніе нашего общества и народа.

Правда, порядокъ и руководящая идея, программа государственная: внесуть и во всю эту область русской бюрократіи: духъ жизни и дѣловаго дѣла, любовь и терпимость къ общественной самодѣятельности и патріотическому вмѣшательству.

Истинная государственная программа призоветъ въ эту среду государственной машины только то, что можетъ и дѣйствительно умѣетъ вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть управленія дѣломъ государственнымъ, и — отбросить все отжившее, заржавленное, изнеможенное или обезображенное

фальшивымъ воспитаніемъ и продолжительной привычкой умственного и нравственного воздержанія.

Исчезнетъ и то броженіе русской печати, которое отуманиваетъ головы читателей необдуманно, фальшиво или не тепло брошеннымъ словомъ, и — вноситъ разладъ и раздвоеніе въ душу самихъ представителей русскаго печатнаго слова, этихъ руководителей и призванныхъ вождей нашей интеллигенціи и общественнаго мнѣнія.

Сила и убѣдительность выработанной всеобщей и истинной государственной программы такова, что сама жизнь не дастъ мѣста броженію и смутѣ, неопредѣленности или фальши общественнаго мнѣнія.

Лучшая, трезвая и бóльшая часть нашего общества — пристанетъ къ общему теченію государственной мысли и дѣла, даже станетъ въ ряды страстныхъ и самоотверженныхъ борцовъ этаго русскаго дѣла, — и дастъ, умнымъ и талантливымъ голосомъ своимъ, единеніе, ширину и просторъ, и быстрый ходъ этому дѣлу Россіи. А меньшая, колеблющаяся или фанатически приверженная чуждымъ идеаламъ, часть нашей интеллигенціи найдетъ: или твердый отпоръ въ той-же

силѣ общественной мысли и слова, или заслужить снисходительную терпимость большинства къ своему крайнему и ошибочному мнѣнію ...

Прекратится, вмѣстѣ съ оздоровленіемъ корней государства, и чуждое, и отверженное шатаніе по землѣ русской нашей молодежи, — теперешнихъ лишнихъ и загнанныхъ людей, а тогда — излюбленныхъ и желанныхъ сыновъ и работниковъ Россіи.

Государственная программа, если она будетъ счастливо и истинно составлена, порѣшитъ, что въ этихъ, покуда лишнихъ, людяхъ, не находящихся нигдѣ себѣ пристанища: ни внутри своей собственной больной души, ни среди матушки своей-земли, — одна наша и есть надежда къ выздоровленію.

Молодёжь вдохнетъ свой пылъ и духъ живъ и бодръ въ наше застывшее и помертвѣвшее русское дѣло. Цѣлительныя, освѣжающія силы и порывистыя, рвущіеся впередъ инстинкты юности, какъ нельзя болѣе кстати, приободрятъ одряхлѣвшее, маложизненное и черство-апатичное наше общество, — и пойдутъ владѣ, сольются воедино съ сокровенными, чувствуемыми только, завѣтами все еще юнаго русскаго государства...

Что́-же надо сдѣлать, чтобы оздоровить «корни» нашего государства? И какъ выработать, на какихъ началахъ построить ту государственную политику и программу, которой недостаетъ теперь Россіи?

Вѣрую, что отвѣты на эти вопросы лежатъ готовыми у каждаго изъ насъ, только мы ихъ боимся, не рѣшаемся или стыдимся объявить. Скажу даже болѣе: отвѣты желанные уже сдѣланы и оповѣщены, но только не сгруппированы въ одно цѣлое, высказались по мелочамъ всѣхъ нашихъ великихъ вопросовъ. Искомые отвѣты и рѣшенія всѣхъ нашихъ жизненныхъ задачъ разбросаны въ трудахъ лучшихъ русскихъ людей мысли и литературы, въ выводахъ практическихъ дѣятелей, администраторовъ, земцовъ и публицистовъ, но только не сведены къ одному знаменателю, не сопоставлены, не освѣщены свѣтомъ одной руководящей идеи и единого чувства. Я не мню себя способнымъ исполнить этотъ пробѣлъ работы лучшего нашего общественнаго ума-разума, но, въ качествѣ посторонняго наблюдателя и слушателя всего покуда сказаннаго и сдѣланнаго, рѣшаюсь не рѣшать, а гадать по влеченію своего инстинкта

и чувства, гдѣ и въ чемъ русская правда предстоящей жизни.

Быть можетъ, я потерплю неудачу и не съумѣю доказать своихъ предположеній, но все-таки я твердо вѣрую и исповѣдую, что русская «правда» тамъ, гдѣ я её нашелъ или отгадалъ... Искренній русскій читатель, если не во всемъ здѣсь сказанномъ, то во многомъ—вѣрится мнѣ такъ—согласится со мной, понявъ внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ, что перомъ моимъ здѣсь водили не праздная фантазія и не предвзятая тенденціи, а одно только искренне-сердечное мое убѣжденіе...

Я сказалъ уже, что надо начать строительство земли русской съ оздоровленія «корней», намекнулъ, что оздоровленіе этого корня государственнаго благоденствія заключается въ возможно-большемъ и надежномъ прикрѣпленіи русскаго человѣка къ землѣ, кто къ тому способенъ. Земледѣліе и вмѣстѣ землевладѣніе—это истинное призваніе и наилучшая профессія русскаго человѣка.

У насъ и теперь, слава Богу, есть много землевладѣльцевъ, но, юридически владѣя землей, на самомъ дѣлѣ кое-гдѣ собственникъ земли или не владѣетъ фактически, т. е. не пользуется ею вовсе, или беретъ изъ земли во много разъ менѣе того, что она могла-бы дать.

Извѣстно намъ стало уже явственно, что во многихъ закоулкахъ нашей родины мужикъ не нашетъ своихъ собственныхъ десятинъ, потому что „обязался лѣтними работами“ землевладѣльцу-помѣщику; помѣщикъ-же не эксплуатируетъ какъ слѣдуетъ своей земли, потому что не можетъ обязать мужика лѣтними работами...

Извѣстно стало также, что тамъ, гдѣ мужикъ не вынужденъ продавать свой лѣтній трудъ помѣщику, онъ благоденствуетъ и поставляетъ на рынокъ хлѣба вдоволь; тамъ-же, гдѣ подневольная работа, по обязательствамъ, закабаляетъ мужика помѣщику, — мужикъ нищаетъ, земля его тощаетъ, не родить, хлѣбъ на рынокъ дорогъ, а помѣщикъ тоже не богатѣетъ, потому что „лѣтняя, чужая работа — мужику смерть“, идетъ на нее только до крайности захудалый, выбитый изъ колеи недоимками и горемъ-злосчастіемъ, мужикъ, или —

спившійся съ кругу голый батракъ, но отъ такихъ работниковъ только вредъ, а не польза землѣ и ея помѣщику.

Оттого и происходятъ въ нашемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ такія крайности, что требуютъ для его процвѣтанія двухъ противоположныхъ средствъ: Помѣщикъ говоритъ, — хозяйство мое въ упадѣ оттого, что рукъ мало; мужикъ жалуется на недостатку земли и оправдываетъ этой недостаткомъ свою бѣдность и недоимки... Но вся бѣда отъ такихъ противорѣчій въ томъ и состоитъ, что обѣ жалующіяся стороны — одинаково правы: помѣщику, дѣйствительно, некуда дѣваться со своей землей, потому что у него ея много; мужикъ не можетъ снять помѣщичій хлѣбъ съ поля оттого, что у него десятина-другая собственного поля также нетерпѣливо требуетъ уборки, и если онъ уйдетъ на ниву чужую, то свой хлѣбъ осыплется и хозяйство цѣлаго года — въ раззорѣ... Уберетъ мужикъ свой хлѣбъ съ поля, и — радъ-бы душою оказать помощь помѣщику, да надо спѣшить молотить новый хлѣбъ, везти на базаръ: семья слишкомъ отошала за зиму на хлѣбахъ-суррогатахъ, — ждетъ не дождется чистаго хлѣбушки,

да староста и сборщикъ одолѣли, — гонять продавать урожай на уплату податей и недоимокъ... Управившись кое-какъ, торопится мужикъ къ помещику собирать перезрѣвшій хлѣбъ, но всего уже не соберешь, — два-три зерна на каждый колосъ не хватаетъ... Однимъ словомъ, въ этомъ заколдованномъ кругѣ, что не кинь — то клинь!..

Оно и понятно, почему происходитъ вся эта безтолковая неурядица, и иначе и быть не можетъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ при теперешнихъ его порядкахъ, когда однѣ и тѣ же руки, да въ добавокъ — въ одно и тоже время, принуждены умудряться дѣлать два дѣла вмѣстѣ, — тутъ ужь неминуемо одно дѣло останется въ накладѣ. Управится съ землей мужикъ, — земля помещика лежитъ въ-запускѣ; соберетъ счастливо свой хлѣбъ мужикъ, — хлѣбъ помещика не уродилъ или рассыпался по полю. Пойдетъ на лѣто мужикъ къ помещику, бросивши на произволъ судьбы свои десятины, — урожай помещика собирается плохо, подневольно и лѣниво, изъ-подъ палки, да и хлѣба мало на рынкѣ отъ этого сбора: мало запаханно съ зимы, плохо обработана эта земля, да и мужичье поле оставалось безъ хозяйскаго глазу

и не дало хорошей или никакой жатвы. Отсюда и происходят, изъ этой вопіющей неурядицы, и всѣ наши безхлѣбицы, дороговизны и повидимому странныя и нелѣпыя, въ странѣ земледѣльской и съ дѣвственно-превосходной почвой, появленія на нашихъ русскихъ рынкахъ продажнаго заграничнаго, нѣмецкаго хлѣба и американской пшеницы. Отсюда, этой-же аграрной и сельско-хозяйственной безтолковщиной, объясняется и бѣдность, и сильная задолженность наша: государственная, помѣщичья и мужичья.

Земли у насъ — много-премного и земля, дѣйствительно, превосходнаго качества, но ею мы не пользуемся, а „ковыряемъ“ только смѣхотверно или хищнически истощаемъ. Рукъ рабочихъ у насъ вдоволь и руки умѣлыя и дюжія, но дѣла не даемъ мы имъ настоящаго, когда нужно и во-время... Для спасенія нашего сельскаго и всякаго другаго хозяйства нужно дать выходъ, съ помощью государства, изъ этого невыносимаго положенія и помѣщику, и мужику. Помѣщикъ, здраво и честно понимающій вещи, уже давно, какъ самъ неоднократно заявлялъ въ печати, тяготится своимъ настоящимъ землевладѣльческимъ положе-

ніемъ и своей землей; крестьянинъ-же почти съ самаго своего освобожденія жалуется, мѣстами, на свою обездоленность и, съ тѣмъ вмѣстѣ, — праздность (ту самую праздность и бѣдность крестьянскую, которая намъ всегда кажется такой непонятной при существованіи обширныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ), указывая на недостатку своей надѣльной земли, какъ на причину своей бѣдности и нищеты нравственной и духовной...

Помѣщикъ не интересуется своимъ помѣстьемъ, мало и съ трудомъ кормится отъ него, ищетъ, издавна уже, другого себѣ призванія; чуждается своего прошлаго и брезгаетъ настоящимъ своимъ положеніемъ тѣмъ болѣе, что оно условіями по реформенной нашей жизни принуждаетъ его становиться невольнымъ антогонистомъ интересовъ тѣхъ, кому онъ-бы хотѣлъ, наоборотъ, искренне порадовать и послужить...

Государство должно облегчить помѣщику эту достойную всякой поддержки задачу избранія имъ новаго подвига служенія родному народу въ рядахъ его интеллигенціи, все равно земледѣльской-ли, профессиональной или публицистической, но только — общепольной.

Помѣщичье наслѣдіе, и такъ уже выбиваемое у него изъ рукъ самой жизнью, должно перейти свободно, разумно и добровольно-мудро въ руки новыхъ владѣльцевъ, болѣе нуждающихся въ обладаніи имъ и болѣе искусныхъ имъ управлять. Такимъ наслѣдникомъ помѣщичьей земли называется сама русская жизнь и наше историческое призваніе только *земледѣльца-собственника и помѣщика-фермера, помѣщика-скотовода, кустаря-помѣщика, помѣщика-заводовладельца или фабриканта...*

Такой взглядъ на дѣло и нужды русскіе, если не будетъ усвоенъ всѣми нами, то встрѣтитъ сочувствіе въ людяхъ прямодушныхъ и трезвыхъ, встрѣтитъ, несомнѣнно, патріотическое содѣйствіе и въ самихъ нашихъ помѣщикахъ. Многіе изъ нихъ, и теперь мало-по-малу, сознаютъ и ищутъ выхода изъ тягостной для нихъ настоящей сферы, по истинѣ, крѣпостной зависимости землѣ: ряды нашей интеллигенціи служебной, земской и литературной комплектуются постоянно этими бѣглецами—теперь не дающихъ никакой пищи—села и земли, вынуждено или добровольно сбросившими съ себя потерявшую цѣнность отъ времени, обузу владѣть землею на правахъ

помѣщика. Было-бы такихъ ренегатовъ помѣщичьяго званія и больше, если-бы находились покупщики помѣщичьяго наслѣдія-земли.

Государство должно воспользоваться этимъ естественнымъ кризисомъ и перетасовкой общественныхъ нашихъ отношеній, государство обязано разглядѣть и убѣдиться, что смѣна собственниковъ земли у насъ происходитъ ежедневно и неотвратимо, силою самаго теченія жизни, — и въ этомъ социальномъ кризисѣ государство, дѣйствительно, можетъ найти средство извлечь чисто государственную и великую пользу, воспользовавшись имъ въ цѣляхъ своей общегосударственной, національной политики.

Настала пора подумать о средствахъ не давать воздвигаться на развалинахъ традиціоннаго помѣщичьяго наслѣдія буржуазному или кулаческому, хищническому хозяйничанью землей, теперь невольно выпадающей изъ рукъ ея исконнаго, историческаго владѣльца.

Такое средство защиты интересовъ русскаго землевладѣнія и государственности рисуется только въ образѣ одного преемника и наслѣдника помѣщика. Сама исторія передавшая, силою своихъ непреложныхъ законовъ, „души“

въ руки государства и преобразившая ихъ изъ атрибутовъ-рабовъ помѣстья въ полноправныхъ, свободныхъ гражданъ, этимъ самымъ въ конецъ нарушила всѣ устои историческаго помѣщичьяго института, указала ему путь дальнѣйшаго распаденія и смерти, и, въ тоже-самое время, начертала явственно образъ и имя *государства*, какъ наследника и будущаго преемника—и остальной составной части помѣщичьяго института—земли...

Какой дальнѣйшій предназначенъ нашему отечеству провидѣніемъ путь въ исторической жизни будущаго—покажетъ само будущее; вѣрно и ясно только отразилось въ зеркалѣ настоящаго то путеводное начало исторіи, истолкователемъ котораго мы сами являемся теперь, какъ несомнѣннаго указателя русскаго прогресса и устойчивости всей нашей государственности, какъ вдохновителя нашихъ надеждъ на лучшее и свѣтлое будущее, хотя и купленное цѣною многихъ страданій и разочарованій, колебаній и нерѣшительности порвать окончательно союзъ съ ветхими, расшатавшимися устоями прошлаго, и изъ этого прошлаго—сѣумѣть отгадать и найти средства обезпечить безпечальное будущее Россіи...

Итакъ, искусственное, такъ сказать, ускореніе реализаціи помѣщичьяго наслѣдія — и можетъ, и должно быть равно благотѣтельно для всѣхъ насъ. Помѣщикъ освободится, если захочетъ, отъ лишней ему земли, найдетъ выгоднаго для нея покупателя. Государство, явившись покупщикомъ помѣщичьяго наслѣдія, исполнитъ и продолжитъ свою историческую миссію и преемственность въ реализаціи этого наслѣдія, начавшейся освобожденіемъ „душъ“: образуетъ такой фондъ и базисъ развертыванія своихъ силъ, на которомъ легко можетъ уже обосновать и построить надлежащую и соответственную своему призванію программу дальнѣйшаго поступательнаго государственно-русскаго строительства.

Мужикъ, также, пожнетъ обильные плоды въ этой реализаціи, явится неминуемо ея главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и дѣйствительнымъ покупщикомъ; распроставетъ свои связанные покуда руки, воспрянетъ и духомъ, и силами матеріальными, обзаведется и оброчной состоятельностью, и всякимъ спросомъ удовлетворенія своихъ потребностей, еще далеко не замершихъ и ожидающихъ только толчка, чтобы заявить о себѣ, дать бо-

гатство и вѣчно-крѣпкія силы своему государству, а намъ всѣмъ — его старшимъ по духу братьямъ — обильное, спокойно-мирное и безпечальное, свѣтло-отрадное, трудовое существованіе...

Но гдѣ средствъ взять государству для покупки продажной помѣщичьей земли? И много-ли такой земли ищеть продажи у насъ? И тамъ-ли она продается или можетъ быть куплена государствомъ, гдѣ въ ней недостача, гдѣ ея не хватаетъ мужику?

Земля продажная есть и не мало ея: житейскіе и статистическіе факты гласятъ, что много земли уже перешло изъ рукъ помѣщика во владѣніе разнаго хищника-кулака, того, искусственно кое-гдѣ взросшаго по нашему нерадѣнію, новаго буржуазнаго, заморскаго, *quasi*-помѣщика, котораго литература наша окрестила именемъ Колупаева и Разуваева.

Этотъ проявившійся у насъ „обиратель земли и села“ намъ — не у мѣста: государство собственными мѣрами и общими средствами обязано пресѣчь ему дорогу къ землѣ, должно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ему конкуренцію въ этомъ завладѣваніи помѣщичьей землей, — благо къ тому-же и конкуренція, покуда, не трудна, потому что ку-

лакъ-Разуваевъ наровить давать слишкомъ низкую цѣну за землю и тѣмъ счастливо воздерживаетъ до сей поры помѣщика отъ распродажи...

Средствъ-же для скупки земель у государства недостатокъ — не можетъ, это намъ только такъ казалось до сихъ поръ. Государству даже нечего дешевить или стѣсняться цѣной покупаемой земли: давать нужно то, что дѣйствительно стоитъ земля, платить нужно не наличными, которыхъ у насъ, какъ извѣстно, нѣтъ и не будетъ никогда, если ретиво и съ толкомъ не примемся тотчасъ же за наше дѣло, — а *векселями* или, лучше сказать, погашаемой по финансовымъ правиламъ *рентой*.

Захотятъ-ли помѣщики взять, вмѣсто наличныхъ, непрерывно-доходную, хоть и хорошую, ренту отъ государства, — это, дѣйствительно, вопросъ доброй воли помѣщиковъ и государства. Я же смѣло отвѣчаю, что пожелаютъ и будутъ благодарны и счастливы, если только отбросятъ суевѣрія, слишкомъ большой эгоизмъ и поразмыслятъ основательно и чистосердечно объ участи будущей и своей собственной, и своего родного народа...

Но въ силахъ-ли государство выплачивать помещикамъ проценты и капиталъ за скупленную землю? Съ перваго разу такая новая тягость государственному нашему бюджету покажется даже умному человѣку — не подь-силу намъ, раззорительной, даже не возможной. — Вѣдь, подумайте, скажутъ, что ежели предложить государству купить вдругъ какихъ нибудь 60—100 милліоновъ десятинъ земли, да еще по хорошей, по рыночной цѣнѣ, напр. 50 р. десятина, — вѣдь, это 5000 милліоновъ капитала нужно выдать; вѣдь это 300 милліоновъ одной 6%, положимъ, ренты потребуется выплачивать ежегодно, стало быть, приумножить настолько-же нашъ расходный государственный бюджетъ, а онъ и безъ того уже страдаетъ 50 милліоннымъ ежегоднымъ дефицитомъ. — Да, это точно тяжело, отвѣчаю я, и на первый разъ даже невозможно обойтись безъ громаднаго сравнительно дефицита и задолжанія, но не нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и забывать, что операцію покупки свободныхъ земель государство не станетъ производить зря, не станетъ-же оно приобретать за ренту ту землю, что не родить, не оставить оно также купленную землю лежать,

впустѣ подѣвѣніемъ министерства государственныхъ имуществъ, а купить осмотнительно, выгодно и распорядится снабдить купленную землю сейчасъ же надлежащимъ землевладѣльцемъ, да еще хорошимъ и благонадежнымъ земледѣльцемъ, который представитъ всѣ поруки, что лишняя и прибавочная земля ему нужна дѣйствительно и оправитъ — и его самого, и государство снабдить достаточнымъ оброкомъ. — Вѣдь, это при толковомъ распорядкѣ, снабдить нашего мужика подходящимъ кускомъ доброй земли, — значитъ дать ему и друга, и цѣлое состояніе, значитъ тоже самое почти, что и всю землю, и казну нашу наполнить всякимъ добромъ и благополучіемъ...

При такой помощи государственной и нашемъ общемъ желаніи сослужить въ этомъ дѣлѣ и добрую службу государству, и Царю и народу, — мужикъ нашъ, съ божьей помощью, не только управится съ недоимками и какими угодно оброками, — да всю Европу запрудитъ русскимъ хлѣбомъ...

Конечно, умѣнье и порядокъ — залогъ всякаго успѣха въ каждомъ дѣлѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, великія дѣла не создаются безъ труда и усилій.

Нужно приготовиться къ тому, что подвигъ строительства русской земли — великій и трудный подвигъ, и не обойдется теперь безъ тяжелыхъ усилий, жертвъ и временныхъ кое-гдѣ неудобствъ и разочарованій. Но эти лишенія и пожертвованія, и заботы, главное дѣло, — временны и обильны надеждами самими радужными: нѣ-которое еще усиліе и пожертвованіе нашимъ общимъ трудомъ и крѣпкой заботой о мужицкомъ, главнымъ образомъ, дѣлѣ, — и мы на той дорогѣ, которая оставитъ далеко за собою и невозвратнототъ тернистый путь невзгодъ и разныхъ злобъ, на которомъ мы стоимъ въ тяжеломъ и невыносимомъ раздумьи, не желая или не умѣя его обойти...

Нужно, конечно, приготовиться къ тому, что операція выкупа родитъ Россіи новый колоссальный государственный долгъ, обременитъ милліонами государственный бюджетъ, быть можетъ, даже заставитъ прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ, въ особенности — въ первый годъ прибавочнаго надѣла, когда мужикъ потребуетъ кое-гдѣ и ссуды, и разсрочки недоимокъ, чтобы

обзавестись скотомъ, орудіями, и — успѣть собрать жатву съ новой и старой земли.

Но не нужно этимъ смущаться: тяжело будетъ и хлопотъ много — это правда, но все это временно и силъ-то у насъ много, очень много!.. Вѣдь, во время войны истратили-же мы цѣлые милліарды и задолжали ужасно, и бумажекъ выпустили на милліоны, — и ничего, все перенесли и вытерпѣли стойко, слава Богу; а теперь — тѣмъ болѣе все вынесемъ, ибо станемъ сражаться за дѣло столько-же правое и необходимое: съ нашимъ голодомъ и нашей смутой...

Вотъ, это, дѣйствительно, бѣда и невзгода будетъ для Россіи, если продажной земли окажется недостаточно или не тамъ, гдѣ ея нужно. Но на такія задрудненія въ нашемъ дѣлѣ мало является опасеній, а въ случаѣ крайности прійдется тогда прибѣгнуть къ тому же средству, которое несмѣло практиковалось и теперь, — организаціи переселеній и устраненія особенныхъ привилегій и льготъ помѣщичьяго землевладѣнія путемъ раціональнаго податного обложенія и кадастровой системы.

Вотъ каковъ долженъ быть образъ дѣйствій русскаго государства по основному предмету „оздо-

ровленія нашихъ корней“. Это дѣло будетъ и родникомъ нашей жизненности и дальнѣйшаго развитія, и должно стать самымъ *первымъ*, самымъ главнымъ *пунктомъ* государственной нашей программы и политики, — и самымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлебнымъ средствомъ оздоровленія не только корней, но и всего нашего государственнаго растенія.

Пусть подумаютъ объ истинной правдѣ этой первой, начертанной мною, задачи русской государственной политики — наши лучшіе люди; пусть поразмыслятъ и о средствахъ осуществленія этого дѣла *строенія* нашей земли — наши опытные и знающіе финансовое дѣло люди. Я-же, съ своей стороны, прошу только непосредственной, теплой, а не предвзятой критики, и твердо высказываю свое глубокое убѣжденіе, что дѣло *вполнѣ*, хотя и съ трудомъ, осуществимо.

Не привожу подробностей организаціи государственныхъ операцій и кредита для скупки и достойной эксплуатаціи полупраздной русской земли, потому что подробности эти не такъ важны, не такъ трудно уловимы, къ тому-же онѣ всѣ, пожалуй, или подходящимъ образомъ по мелочамъ, разработаны и нашимъ земствомъ, и на-

шей литературой, такъ что я-бы могъ нужныя детали эти—просто списать, но дорожу временемъ и вниманіемъ читателя, чтобы успѣть выскаться вполнѣ...—

Важны не подробности плана и тщательность развитія доказательствъ правды идеи государственной экспропріаціи пустопорожнихъ, такъ сказать, земель, а важнѣе гораздо—раціональность самого осуществленія порядка надѣла, распределенія скупленныхъ земель и—устройства государственнаго, на это дѣло, кредита, потому что отъ правды осуществленія зависитъ успѣхъ и жизненность самой идеи; теоретическая-же справедливость и неотложность государственнаго крестьянско-земельнаго кредита для непредубѣжденнаго и дальнозоркаго ума совершенно ясна убѣдительностью одной своей внутренней правды...—

Поэтому, наше вниманіе должно сосредоточиться на тщательномъ выборѣ и средствъ, и людей для осуществленія и практики дѣла, которое не можетъ быть начато и сдѣлано необдуманно, палативно, вполонину и случайно подвернувшимися силами и средствами.

Средства финансовыя, мы видѣли, найдутся, все дѣло только — какъ добыть ихъ съ меньшими жертвами и напрасной тратой силъ Россіи для ихъ изысканія, и какъ расходовать эти силы и средства наиболѣе производительно. Но объ этомъ мы подумаемъ ниже, теперь же займемся отысканіемъ подходящихъ людей для устройства практики выкупнаго дѣла, ибо отъ выбора этихъ руководителей и исполнителей предстоящей Россіи аграрной задачи зависѣть будетъ много самый вопросъ счастливаго добытія и производительнаго употребленія нужныхъ, для практическаго осуществленія этой русской задачи, средствъ.

Гдѣ людей взять для дѣла чистаго и труднаго, отвѣтственнаго и деликатнаго, — говорятъ и брѣчатъ «дѣловые люди», что у насъ надежныхъ людей нѣтъ?

Неужели - же правдивъ выводъ этого нашего авторитетнаго общественнаго мнѣнія, что Россія страдаетъ безлюдьемъ, недѣловитостью? Неужели правда, что мы неспособны выработать не только государственную программу и твердыя убѣжденія, но даже не знаемъ искусства быть толковыми гражданами - исполнителями уже выработанныхъ такой программы и государственныхъ убѣждений?

И правда и нѣтъ. Правда, печальная правда потому, что настоящая наша государственная и общественная непрограмность и безалаберность достаточно уже обнаруживались до сихъ поръ и, конечно, должны же имѣть въ чемъ-нибудь свою причину. Но что причина русскаго нестроенія должна быть приписана не всецѣло нашей недѣловитости и безтолковому характеру, въ томъ убѣждаетъ несомнѣнно сама наша исторія: въ тѣ моменты русской исторической жизни, когда насъ счастливо озаряла вдохновенная путеводная идея, мы всецѣло и быстро умѣли ей отдаваться, умѣли найти и выставить и мужественныхъ искусныхъ борцовъ ея, и бодро, даже самоотверженно, жертвовали и силами, и трудомъ, и жизнью самой лучшихъ нашихъ людей, ради осуществленія этой идеи. —

И эти свѣтлые и такъ успѣшные промежутки исторической работы русской государственной и общественной творческой мысли—нимало не удивительны будутъ для того, кто захочетъ признать и повѣрить добротѣ и силѣ характера своего народа: то служили тогда вѣрную службу Россіи все тѣ-же сказочныя и иронически, какъ-то покуда, признаваемыя — талантливость и красота сердца русскаго человѣка. И для того, кто сохраняетъ еще въ наше время теплую вѣру въ себя и свой народъ, эти мимолетные моменты подъема его духа и энергіи будутъ и должны казаться не сверхъестественнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, а до-скупости малымъ и ничтожнымъ проявленіемъ общественно-государственныхъ качествъ этого народа, которымъ мѣшаютъ только обстоятельства стать постояннымъ явленіемъ и принадлежностью нашего государственнаго и общественнаго порядка.

Впечатлительность и талантливость русскаго народа, дѣйствительно, давали по временамъ ему силы вершить дѣла, на которыя другіе члены человеческой семьи расходовали и асигновываютъ силы и время цѣлыхъ поколѣній. Но, за-то, эти-же

самыя прекрасныя качества впечатлительности и нервной интенсивности русской натуры, легко и скоро воспламеняясь идеей и жаждой поработать ради нея, такъ-же скоро остываютъ и замираютъ апатично, если свойства государственнаго и общественнаго уклада способствуютъ этому охлажденію, не давая поддержки, примѣра и импульса въ строю и дѣятельности самихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій.—

Оттого, отъ этой непреодолимой, характерной, такъ сказать, потребности русской натуры — во внѣшнемъ не ослабѣвающемъ толчкѣ, исходящемъ изъ общенія или склада искусственнаго государственно-общественнаго уклада, и случалось всегда такъ, что интенсивность и діапазонъ индивидуальной нашей самодѣятельности и умственно-нравственной состоятельности — колебались всегда соотвѣтственно ходу, напряженію и осмысленности культурно-идейной и практически-жизненной работы нашей государственно-общественности. Ослабѣвало, вывѣтривалось, затормаживалось движеніе и работа тутъ, — колебался еще хуже, шатался и засыпалъ умственно и нравственно — и нашъ русскій человѣкъ...

И мудрено, поэтому, было, при теперешней нашей единичной и общественной расшатанности, и не потерять русскому человѣку вѣру и въ себя самое, и—не лишить этой вѣры другихъ. Русскій человѣкъ, силою самихъ вещей, долженъ былъ и дѣйствительно впалъ въ подозрѣнiе; онъ угнетенъ, подавленъ непроглядной темнотой и собственной души, и окружающей его жизни,—и вотъ почему и случилось то, что авторитеты и дѣловые люди лишили теперь русскаго человѣка всякаго кредита, кричать о неспособности его къ трезвому и полезному дѣлу, и сваливаютъ всю вину жизненнаго застоя на наше, будто-бы несомнѣнное, безлюдье!..

Яснѣе истины самой, что такъ заподозрѣнный русскій человѣкъ—только подавленъ, угнетенъ и обездоленъ этой-же самой сонностью, безъидеиностью и непрограмностью всего теперешняго нашего общества, а не собственной неспособностью, слабостью и дряблостью душевной.—Просвѣтите заволакивающія насъ потемки, дайте и назовите намъ смѣло руководящую идею жизни, постройте на ней, основательно и спокойно-разумно, жизненную программу, окажите хоть нѣкоторое довѣрiе этому, безъ вины виноватому и все еще жи-

вѣру и бодрому душой, русскому человѣку, — и вѣрьте, что отпадутъ совершенно, прахомъ пойдутъ всѣ сомнѣнія и напасти, всѣ окружающія насъ теперь недоразумѣнія и смуты...

Истинная, на довѣріи нѣкоторомъ основанная, государственная программа оздоровитъ и исцѣлитъ не только корни, но и всю Россію; подыметъ на ноги, одушевитъ и призоветъ къ дѣлу и самого, теперь загнаннаго и больного, русскаго человѣка, и сама — же укажетъ путь и средство, гдѣ и какъ призвать этого человѣка къ дѣлу, чтобы лучше и наискорѣе привести программное дѣло — въ исполненіе.

Истинная, Россіи теперь необходимая, государственная программа, разъ она выработается и будетъ принята въ руководство, не только вдоволь найдетъ для себя надежныхъ, къ дѣлу нужныхъ людей, но не станетъ даже искать ихъ долго или наобумъ, а въ прошломъ Россіи, — прошлымъ лучшимъ и твердой, такой-же истинной, программой прославившемся, — найдетъ теперь несомнѣнныя указательства для исканія и выбора способа призванія людей къ дѣлу государственному и общественному. —

Это прошлое черезъ которое прошла подъ державною эгидою своего Освободителя обновленная Россія, дѣйствительно, чревато знаменательными указаніями, въ которыхъ найдемъ мы теперь много полезныхъ уроковъ для своей государственной и общественной мудрости. Прошедшая эта славная эпоха реформъ и счастливаго возрожденія Россіи—и докажетъ сколь много значитъ въ дѣлахъ народныхъ истинная и смѣло напередъ объявленная государственная программа, и укажетъ средства производительно пользоваться временемъ и людьми для проведенія въ жизнь избраннаго дѣла. —

Кто всмотрится въ это прошлое время великихъ русскихъ дѣлъ, для того не останется сомнѣнія, что Россія обязана своимъ освобожденіемъ и обновленіемъ: только наличности и истинности той государственной программы, которая счастливо и глубоко запала въ душу ея верховнаго Вождя того времени,—и той глубоко-мудрой, инстинктивно-вдохновенной симпатіи покойнаго Царя —бо всему свѣжему и молодому, болѣе чувствующему и правдивому, чѣмъ опытному и авторитетному, которою Онъ всегда почти руковод-

существовалъ въ своемъ исканіи и выборѣ людей-послѣдователей и исполнителей Его заветныхъ думъ и программы служенія дѣлу Россіи. —

Истинная государственная программа Россіи теперь, съ божьей помощью, выработается, примется въ руководство — мы вѣримъ этому — и безъ колебаній и опасеній поведетъ Россію по тому-же наслѣдственному, заветному ея прошлымъ, пути обновленія и реформъ, который избралъ и указалъ Россіи Царь-Освободитель и передалъ, такимъ образомъ, въ наслѣдство и священный заветъ Своему державному, молодому, Преемнику. —

Вѣримъ мы также, что исторія и уроки прошлаго укажутъ и призовутъ къ исполненію истинной государственной программы людей той-же среды нашего общества, которымъ наперекоръ всѣмъ традиціямъ и счастливо-мудро отдавалъ Свои симпатіи и предпочтеніе покойный, незабвенный, русскій Реформаторъ, — людей среды не авторитетной, не умудренной лѣтами и опытомъ давнишняго казеннаго дѣла и управленія, а болѣе всего, — людей молодой, свѣжей, нечиновной и земской Россіи!..

Земство и земля, земская и міровая, общинная мысль и работа, — всегда было и будет нашимъ призваніемъ, нашимъ прибѣжищемъ и якоремъ спасенія, истичникомъ силъ и мощи духовной и государственной. —

Какъ въ сѣдую старину, общій и непосредственной голосъ и разумъ земли-міра русскаго выручалъ и спасалъ, двигалъ, освѣщалъ и строилъ историческія судьбы и дѣла Россіи. — Какъ въ ближайшемъ, менѣе отдаленномъ и приснопаметномъ, свѣтломъ прошломъ великихъ дѣлъ русскихъ, это же самое земство и лучшіе, но простые наши люди умѣли помогать и выносить на своихъ надежныхъ плечахъ славныя историческія дѣла Россіи, когда государство находило нужнымъ слушать это земство, умѣло соединить земскихъ людей, призвать и поставить ихъ къ дѣлу, и обставить работу этихъ излюбленныхъ людей: и своимъ довѣріемъ, и надлежащимъ порядкомъ, и силою руководящей идеи, и средствами дѣйствительнаго воплощенія въ дѣло этой государственной мысли и программы, — такъ и теперь спасетъ и выручитъ насъ отъ всѣхъ бѣдъ тоже самое надежное, испытанное русское земство. —

Будетъ оно призвано, и выслушано, вѣримъ мы, въ предстоящихъ дѣлахъ Россіи, а избраніе и расчищеніе путей и средствъ слышать и пользоваться дѣйствительнымъ голосомъ и трудомъ земскихъ людей въ государственномъ нашемъ строительствѣ, не только порѣшено и санкціонировано будетъ уже безповоротно и навсегда, но и станетъ руководящей идеей нашей государственности, однимъ изъ основныхъ пунктовъ государственной программы Россіи.

Русское государство всегда было и будетъ сильно и жизненно не силами искусной организаціи правящихъ классовъ, профессій или основанныхъ на нихъ учрежденій, а крѣпостью и непринужденностью довѣрчиваго и дружественнаго единенія общины, міра-земли, Царя и всего народа. —

Въ этомъ-же единеніи и пространственномъ дружествѣ и общеніи всей земли — и въ немъ одномъ — всегда находила Россія и источникъ, и залогъ духовнаго своего роста, въ немъ-же почерпала она силы и мощь побѣждать враговъ и внутренія смуты, — въ немъ-же, въ этой общей земской работѣ Царя съ народомъ, найти должно государство наше и свое будущее развитіе, и благополучіе. —

Наша земская сила — сила наивная, безъискусственная, какъ цѣлень и безхитростень нашъ мужикъ, этотъ прототипъ земскаго русскаго чело-вѣка. Но въ этой наивности, цѣльности и безъискусственности русской земли кроется таже безпредѣльно-истинная и плодотворная правда и крѣпость, какъ въ силахъ и законахъ естественной, непреходящей, всегда себѣ вѣрной и творящей природы. Нужно только умѣть пользоваться этими — правда слѣпыми, но инстинктивно-правдивыми и естественно-разумными кладезями ума и сердца нашего народа, какъ пользуемся мы, чело-вѣки просвѣтившіеся и возвысившіеся искус-вомъ и разсудкомъ, но за-то потерявшіе вмѣстѣ съ этимъ самосовершенствованіемъ свою естест-венную цѣльность и чутье, — стихійными, часто враждебными нашему хотѣнію, силами физической природы, вѣчно полезной; вѣчно питающей и на-ставляющей насъ и результатами своей вѣковѣч-ной работы, и цѣлями и стремленіями своихъ совретенныхъ, истинно-мудрыхъ законовъ. —

И дѣйствительно, руссксе царство отгадало, и всегда умѣло цѣнить и пользоваться этой внут-ренней народной правдой-разумомъ, слѣдуя почти

всегда въ наукѣ и искусствѣ государственнаго строительства и правленія—не указаніямъ и подражанію искусственныхъ системъ или хитроумныхъ бюрократическихъ, чужеземныхъ механизмовъ, а стремилось разгадать и исполнить велѣнія и идеалы этого совѣстливаго и правдиваго ума-разума своей земли и народа. Екатерина, правда, разошлась значительно въ своихъ симпатіяхъ съ народомъ, а Петръ круто измѣнилъ эту давнишнюю систему и нашу государственную программу единенія Царя съ землей, увлекшись, силою порывистости и жажды дѣятельности своей единоличной геніальной мысли, западными образцами и ходомъ суетливой, обильной внѣшнимъ заманчивымъ лоскомъ, европейской общественности и государственности.—

Но Петръ былъ геній и поэтому, хотя и прозрѣвалъ въ будущемъ своей страны тоже самое, къ чему порывисто стремился, но—не могъ сдерживать пыла и страстности своей, жадждавшей пищи и широкой дѣятельности, свѣта и простора, натуры на столько, чтобы сознательно отдать предпочтеніе или простить внѣшней грубоватости и невѣжеству своего народа насчетъ обилія, прочности и ясности его завѣтныхъ идеаловъ, кото-

рымъ не доставало только времени, нѣкотораго искусства и образованія, чтобы проявиться во всемъ своемъ гуманномъ и прекрасномъ величїи, и—вмѣстѣ съ тѣмъ, создать и великій строй государства, и облагородить, скрасить этимъ внѣшнимъ искусствомъ и образованіемъ казовую внѣшность и этого государства, и этого съ виду неразумнаго, дико-грубаго, народа-мужика.—

Геній и настойчивая, незнавшая границъ энергія Петра, дѣйствительно, успѣли преобразить внѣшность государства и создали въ немъ начало этого казоваго порядка, лоска и образованности государствъ европейскихъ, и за все это добро, хотя и купленное слишкомъ дорогою цѣной, пожертвованій, насилій и страданій, преждевременной растраты силъ,—Россія скажетъ большое спасибо своему преобразователю, заставившему ее съ пеленокъ, такъ сказать, познакомиться и войти въ семью народовъ цивилизаціи, и, благодаря такому раннему культурному опыту, успѣвшую во время и безъ заблужденій оцѣнить и сопоставить свои скромные, завѣтные государственные идеалы съ эффектными идеалами западной образованности и общественности.—

Но, за-то, Петръ Великій, подаривъ Россію этимъ опытомъ и полезными знаніями, заставилъ её съ тѣмъ вмѣстѣ, насилуя свою природу и лучшія убѣжденія, поставлять слишкомъ долгое время и трудъ, и силы свои на непроизводительное взлелѣваніе и культивированіе такихъ порядковъ и учрежденій, безъ которыхъ совсѣмъ уже можно было обойтись, которые чужды и вредны были и останутся нашему народу, тормозя напрасно и безцѣльно его ростъ и счастье. Петръ привилъ и взростилъ въ Россіи, въ слишкомъ уже большомъ количествѣ, чужеземный, несогласный съ духомъ и характеромъ страны, элементъ бюрократическаго, приказнаго управленія, — и этимъ самымъ создалъ въ лицѣ ненужныхъ канцелярій и ранговъ то искусственное средостѣніе между народомъ и его излюбленнымъ Вождемъ, которое тормозитъ несказанно и дѣла Царскія, и народныя, сдерживая, глуша и извращая разумный голосъ и должную самодѣятельность Его народа, стремящагося всею душою отдать беззавѣтно и самоотверженно всѣ свои силы на пользу общую. —

Пришла пора исправить эти дѣла Петровы. Настало уже, теперь по крайней мѣрѣ, время по-

думать, какъ устранить это безъ вины и безъ пользы обуявшее насъ разъединеніе Царя, земли и приказовъ. Цари много думали въ пользу этого дѣла и задачи Россіи уже и прежде, какъ покойный нашъ Освободитель, земля, мысленно и словомъ, и дѣломъ, и теперь стремится къ искренней дружбѣ и единенію, а приказы и служилое наше сословіе посвятятъ, конечно, свою службу всецѣло и умѣло народу, проникнутся къ нему довѣріемъ, желаніемъ добра и уваженіемъ, если къ тому будутъ приняты мѣры нашимъ государствомъ и нашей государственной программой.

Приказное, бюрократическое и земское управленіе не будутъ и не могутъ быть враждебны, если оба эти исполнители народной и Царской воли станутъ руководствоваться и велѣніями, твердо и неослабно-дѣйствующей, истинной государственной программы, и — боязнью суда Царскаго и суда русскаго общественнаго мнѣнія.—

Государственная программа оздоровленія и развитія силъ нашихъ матеріальныхъ и духовныхъ, программа собиранія — къ настоящему и производительному дѣлу—земли и всего народа, одинаково заставитъ дѣйствовать на пользу общую,

пользу государственную и народную, и простого пахаря, и служилаго чиновника и земскаго чело-вѣка, — нужно только, помимо избранія истинной государственной программы, разчистить и освѣ-жить почву для [такого] добраго служенія дѣлу Россіи людей и служилыхъ, и земскихъ.

Нужно и стало теперь очень необходимо, чтобы служили Россіи мы всѣ сообща, и чтобы русскую государственную работу вершили всѣ наши наи-лучшіе и наисильнѣйшіе люди.

Годится-ли для такого великаго и труднаго дѣла наше старое поколѣніе людей опытныхъ, автори-тетныхъ, даже умудренныхъ знаніемъ и ученостью, но людей — давно воспитанныхъ, выросшихъ въ тѣхъ фальшивыхъ традиціяхъ, которыя причинили столько бѣдъ Россіи, и которыя само государство наше осудило и отбросило уже прежде, въ годину незабвенныхъ реформъ, а теперь, силою самихъ об-стоятельствъ и во имя судьбы всего нашего будуща-го, призвано и обязано вырвать изъ жизни на-шей вонъ съ корнемъ?

На этотъ вопросъ, опять-таки, отвѣчаетъ оп-редѣленно сама русская исторія, когда повѣ-ствуетъ и обнаруживаетъ намъ дѣла и характеръ

дѣятельности того стараго поколѣнія, тѣхъ взро-
щенныхъ ветхими традиціями людей, которыхъ
застала у дѣла и должна была взять по необхо-
димости въ пособники и исполнители наша ре-
форменная государственная программа 60-хъ го-
довъ. —

Какъ тогда лучшія идеи и убѣжденія верхов-
наго представителя и творца нашей славной го-
сударственной программы добрыхъ реформъ — не
встрѣтили и не находили бѣльшею частью сочув-
ствія и поддержки въ авторитетныхъ, заслужен-
ныхъ и дѣловыхъ людяхъ того поколѣнія, которое за-
сталъ молодой Царь-Освободитель уже отличеннымъ
и названнымъ, древле-сложившейся жизнью, Ему
въ помощники и исполнители всего дѣла, — такъ
и теперь мало надежды, чтобы старые люди мог-
ли, сѣумѣли, если-бъ даже и захотѣли того, дѣ-
лать, какъ слѣдуетъ, молодое, свѣжое и доброе,
живое русское дѣло. —

Для дѣла живого — нуженъ духъ живъ и бодръ;
требуется и нужна болѣе способность быстро и вѣрно
воспринимать жизнь, схватывать и понимать ся
ежечасно нарождающіеся задачи и запросы, чѣмъ
— опытное, но часто суевѣрное знаніе этой жиз-

ни. Непосредственное чувство и инстинкты развитого ума для дѣла требуются и важнѣе гораздо болѣе, чѣмъ мудрость житейская и то, что называется ученостью, опытностью и знаніемъ людей - свѣта. Опытность, ученость и продолжительное знакомство съ дѣломъ, въ нашъ вѣкъ широкаго литературнаго общенія результатовъ человѣческой мысли, наблюденій, опыта и научныхъ знаній, имѣютъ себѣ цѣну настолько, насколько они научаютъ пользоваться при нуждѣ плодами этой работы человеческого духа и опыта. Сухое-же накапливаніе жизненныхъ фактовъ и опытныхъ знаній, не воодушевленное осмысленнымъ запросомъ самой жизни, а усвоенное и кичливо превозносимое во имя полной побѣды холоднаго и близорукаго разсудка надъ увлекающимися порывами чувствующаго и пытливаго ума, — вовсе не такъ необходимо, какъ многіе думаютъ, для великихъ и живыхъ дѣлъ государственныхъ и общественныхъ, — и ведетъ только, въ бѣльшинствѣ случаевъ, къ рутинѣ, сухому и бездушному формализму, нетерпимости къ свободѣ человеческого духа, слова, мнѣнія и самодѣятельности, и въ лучшемъ только случаѣ — рождаетъ шаблонную

ученость, самонадѣянное, но слѣпое и безплодное или фарисейское доктринерство...

Молодости и свѣжести намъ нужно для нашего обновленія. Здороваго и развитаго, но свѣжаго и яснаго, чувствующаго и непредубѣжденнаго ума намъ нужно для руководства и роста нашей государственной жизни.

Нужны и требуются теперь — ширина мысли и чувства, чтобы отгадать, намѣтить и исполнить предстоящія и текущія задачи и дѣла Россіи. И этому животворному началу молодости нужно, необходимо нужно, постараться — дать просторъ и создать даже запросъ усиленный на молодыя, свѣжія силы лучшихъ русскихъ людей, чтобы освѣжить, оздоровить и устроить вполне настоящую и будущую историческую жизнь нашего молодого государства.

Какъ сдѣлать такой призывъ въ государственную машину свѣжихъ силъ достойной русской молодёжи, какими мѣрами создать и поддержать этотъ приливъ энергичныхъ и способныхъ юныхъ силъ въ нашу общественную и государственную жизнь — покажетъ сама истинная государственная программа, и дѣло это сравнительно легкое:

нужно только оказать нѣкоторое довѣріе нашей молодёжи, и на первый разъ, — искусственно разчистить для нея входы въ жизнь нашу, покуда заняты и переполненные другими, усталыми, ветхими жизненными бойцами стараго поколѣнія, или — преднамѣренно запертые теперь по нашему государственному недоразумѣнію. —

Истинная государственная программа пойметъ и порѣшитъ, въ этомъ дѣлѣ оздоровленія нашей жизни молодёжью, что юность легче и скорѣе всего оцѣнить ея начинанія государственнаго строительства, поддержитъ ихъ и отдастъ всею душою этому служенію... Истинная государственная программа предусмотритъ, что, дѣлая возможно широкій призывъ къ своему служенію молодёжи, она должна будетъ предоставить этому своему сотруднику всѣ средства не только полюбить, но и дѣйствительно свершить то дѣло, къ которому она зоветъ. Отсюда государственная программа, рѣшаясь на этотъ спасительный шагъ, должна будетъ всегда твердо держать свое знамя и развертывать всѣ тѣ силы, которыя должны способствовать укрѣпленію этого знамени на предназначенныхъ устояхъ государственной

политики: безусловное довѣріе къ призываемымъ на новое служеніе — въ границахъ predeterminedной программы — и полная соразмѣрность цѣлей этой программы со средствами ея исполненія дѣйствительнаго. —

Молодость не терпитъ никакихъ компромисовъ съ своей совѣстью; она менѣе всего способна дѣлать дѣло въ-половину, не переносить разлада слова съ дѣломъ, и инстинктивно, но безгранично, гнушается всякаго насилія или принужденія, и требуетъ, хоть небольшой, но надежной, не вынужденной, а довѣрчивой свободы дѣйствій въ тѣхъ относительныхъ границахъ, которыя начертало и подарило это добровольное довѣріе. — Поэтому, вслѣдствіе этихъ основныхъ и прекрасныхъ свойствъ свѣжаго и цѣльнаго, нетронутаго молодого человѣческаго характера, истинная государственная программа, заручившись полнымъ сочувствіемъ всего молодого уже однимъ своимъ содержаніемъ и направленіемъ, должна будетъ позаботиться расчислить для этихъ званыхъ и избранныхъ людей, сколь можно шире и лучше, входы въ ту жизнь, которую она намѣрена реформировать. Государство должно обезопасить мѣрами ис-

чувственными жизненными позиціи, розданныя этимъ новымъ пришельцамъ, отъ вторженія въ нихъ косности и заразныхъ элементовъ своекорыстія, злобы и подозрѣнія, однимъ словомъ, — обязано будетъ, ради успѣха своего дѣла, обставить въ жизни новыхъ общественныхъ и государственныхъ работниковъ настолько удобно, счастливо и почетно, насколько того требуютъ своеобразныя и деликатныя качества и свойства молодого ума, сердца и характера. —

Если этотъ основной руководящій взглядъ будетъ принятъ государственной программой, то этимъ-же самымъ выяснятся вполне и тѣ реформы, которыя нужно будетъ сдѣлать, съ этой цѣлью оздоровленія Россіи, и въ службѣ государственной, въ администраціи, и въ земскомъ управленіи. —

Все старое, не согласное съ этой идеей исканія русской правды жизни и мирнаго дальнѣйшаго государственнаго развитія, отбросится, какъ негодное, чумное и заразное-больное; наоборотъ, все что служить къ успѣху этой идеи и русскаго государственнаго девиза, — выяснится само собою, а отчасти уже обнаружено и указано несомнѣнно

самой жизнью и нашими лучшими людьми въ земствѣ и литературѣ.

Литература наша, напр., уже давно не перестаетъ указывать на расшатанность русскаго бюрократизма, добазываетъ его апатичную косность, безсодержательную слабость и невниманіе къ нуждамъ и голосу народа, и вмѣстѣ — излишнюю настойчивость въ отстаиваніи, даже наперекоръ иногда Царскимъ убѣжденіямъ, своихъ прерогативъ и мнительной слишкомъ власти и авторитета. Таже литература издавна доказываетъ, что отъ этихъ недуговъ нашего бюрократическаго управленія спасетъ Россію, прежде всего, большее развитіе общественной, земской самодѣтельности насчетъ суженія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правъ, власти и дѣлъ административнаго управленія, менѣе въ такихъ случаяхъ компетентнаго, выгоднаго и производительнаго. —

Съ другой стороны, литература наша убѣждена и высказывалась всегда и за большую ширину легальныхъ правъ, свободы дѣйствій и независимости мнѣній и положенія — самихъ членовъ нашей администраціи, очень нуждающейся въ подобной духовной эмансипаціи, если только эти

права и независимость русскаго чиновничества будут ограждены и вмѣстѣ съ тѣмъ — связаны: положительнымъ закономъ, судомъ и голосомъ общественнаго мнѣнія. —

Земство также, съ своей стороны, поработало уже достаточно въ пользу теоритическаго рѣшенія нашихъ капитальныхъ жизненныхъ вопросовъ, обуславливающихъ собою общественное и государственное оздоровленіе Россіи.

Работы земства, въ этомъ отношеніи, высказывались давно и часто въ его докладахъ, ходатайствахъ и постановленіяхъ, и обнаруживаютъ собою съ несомнѣнною ясностью, что мысли и проекты лучшихъ и умнѣйшихъ изъ нашихъ земцовъ, нося въ себѣ признаки глубокой внутренней правды и соответствія съ государственными цѣлями Россіи, — могли бы наполнить собою и занимать почетное мѣсто въ содержаніи нашей истинной государственной программы. —

Были и съ этой стороны подняты трезвые и разумые, глубоко-мудрые голоса и въ защиту лучшей эксплоатаціи родной земли, и въ пользу болѣе основательнаго быта ея пахаря-брестьянина. Заявлено также много добрыхъ словъ и свѣтлыхъ

пожеланій— подать государственную, такъ сказать, руку помощи обездоленной и гдѣ-то, теперь, прозябающей нашей русской молодёжи, — и съ ея помощью стать на дѣло строенія дальнѣйшаго родной Россіи. То же и почти все то, что мы сказали въ пользу истинной государственной программы оздоровленія и устройства, „корней“ — сказано нами со словъ, давно сказанныхъ и теперь не перестающихъ повторяться, всѣхъ нашихъ земствъ, служилыхъ — и людей практики и мысли — всѣхъ нашихъ лучшихъ людей. Тѣ-же люди и то же земство могутъ подкрѣпить и наши рѣчи, здѣсь сказанныя, въ защиту правъ и необходимости желательнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ и общественныхъ нашей молодёжи и всего нашего молодого земства. —

Въ этомъ отношеніи намъ представляются справедливыми и, какъ нельзя болѣе подкрѣпляющими нашу мысль, — пожеланія, высказанныя въ очень недавнее время большинствомъ нашихъ земскихъ собраній, о принятіи государствомъ такихъ мѣръ, которыя обставили-бы крестьянское и земское самоуправленіе: и лучшими избирательными системами, и свободой и равномѣрностью гласнаго представительства, и, наконецъ, уменьшеніемъ вы-

борнаго ценза настолько, чтобы это условіе земской и общественной службы не препятствовало общественному дѣлу комплектоваться людьми бѣдными, но богатыми способностями, энергіей и жаждой дѣятельности общепользной. —

Всѣ такіе проекты такъ глубоко правдивы, такъ желательны и притомъ такъ щедро и добросовѣстно, обильно до мелочей даже, разработаны, что вдаваться въ повтореніе сказаннаго и предложеннаго — не приходится и не входитъ въ мои виды. Вся работа въ этомъ отношеніи, повторяю, уже сдѣлана по частямъ, хотя и не сгруппирована въ одно стройное цѣлое. —

Стоить только принять во вниманіе труды этихъ добросовѣстныхъ труженниковъ русской мысли и практическаго дѣла, изучить ихъ подъ руководствомъ общей идеи, которая должна дать жизнь достойному и жизненному, освѣтить и разобратъ массы скопившагося уже, такимъ образомъ, сырого матеріала, къ строительству Россіи пригоднаго, свѣтомъ широкой, обобщающей и общепонятной государственной и общественной мысли, — и содержаніе *второго* пункта, земскаго пункта, истинной государственной программы будетъ вы-

полнено всѣмъ нужнымъ — для приведенія въ дѣйствительное исполненіе и практическую жизнь этой программы — матеріаломъ. —

Если обратиться отъ самихъ принциповъ нашихъ государственныхъ идеаловъ къ ихъ реальному, государственно-архитектурному, такъ сказать, воплощенію въ нашихъ русскихъ государственно-административныхъ и общественно-земскихъ учрежденіяхъ, то та же самая русская національная мысль наша — научно-литературная и практически-земская — успѣла уже высказать и въ этомъ отношеніи основныхъ государственныхъ законовъ въкоторыя несомнѣнно истинныя, руководящія идеи. Литература наша и земство, сталкиваясь, въ своемъ отвлеченномъ или практически-жизненномъ анализѣ совершенства и строя нашихъ общественно-государственныхъ учрежденій, съ недостатками и аномаліями общественнаго государственнаго механизма, всегда дѣлали свои критическіе выводы подъ угломъ зрѣнія и кри-

теріумомъ самихъ же нашихъ правовыхъ нормъ, генетически вошедшихъ въ сводъ русскихъ законовъ, верховною властью Россіи данныхъ.

Исходя изъ краеугольной и фундаментальной, законно-правовой такой нормы русской государственной жизни, высказавшейся счастливо-мудро въ сводѣ основныхъ нашихъ законовъ въ томъ смыслѣ, что „Россійская Имперія управляется на точномъ основаніи положительныхъ законовъ, отъ верховной власти исходящихъ“, — лучшая и умнѣйшая наша національная мысль всегда обосновывала свои патріотическія надежды благополучнаго теченія нашей государственной жизни, именно, на этой всеильной и истинно-правдивой догмѣ царскою милостію изстари въ Россіи установленной. Въ надежной возможности абсолютно-постояннаго соблюденія этого основного и мудраго правила *закономѣрности* государственной жизни — лучшіе русскіе люди всегда видѣли: и противоядіе возможныхъ недостатковъ и аномалій всѣхъ нашихъ общественно-государственныхъ, теперешнихъ, порядковъ и учрежденій, и единственное или, по крайней мѣрѣ, самое главное условіе дѣловаго успѣха и производительности соціальной

самихъ этихъ государственныхъ порядковъ и учреждений.

Въ этомъ-же счастливомъ основномъ законѣ Россійской Имперіи, лучшее общество наше находитъ и единственную, и желательную, мощную гарантію, какъ дальнѣйшаго развитія государственно-общественныхъ отношеній, такъ и надежно-вѣрный залогъ силы, устойчивости и жизненности самой всего русскаго государственнаго механизма. — Въ этомъ смыслѣ, тѣ наши государственные порядки и учрежденія, которые недостаткомъ-ли правильной и удачной регламентаціи, силою-ли своевольнаго обычая, или по волѣ фатальнаго и суевѣрнаго заблужденія, но не позволяли царствовать, во всемъ своемъ объемѣ и значеніи, нормирующему и всеподчиняющему закону, справедливо и сознательно, во имя блага и счастья нашего отечества, всегда, хоть и съ грустью, критиковались правдивой и искренней нашей патриотической общественной мыслью. Наоборотъ все, что только можетъ счастливо укрѣпить и упрочить власть безстрастнаго закона, защитить и искусственно гарантировать его силу, неприкосновенность и полноту дѣйствій, — выставлялось

всегда—и людьми отвлеченной литературой мысли, и практическими людьми жизни и дѣла—въ самомъ привлекательномъ видѣ; изучалось и освѣщалось самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ анализомъ и разработкой, какъ достойное вполне общественнаго вниманія, желательное необходимо-полезное для нашего государства и народа.—

Вотъ почему, съиздавна труды и усилія лучшаго нашего общественнаго ума-разума всегда и направлены были къ изученію и ревностной пропагандѣ такихъ государственно-общественныхъ порядковъ и учрежденій, которые, внутренней своей правдой и силою искусной, предусмотрительно-мудрой организаціи, имѣютъ свойство не только не умалять или преступно эксплуатировать правящій и руководящій законъ, но служатъ еще сами-же къ спасительной поддержкѣ и охранѣ власти и значенія правомѣрнаго, добраго и нелицепріятнаго закона положительнаго.—

Тутъ, въ такого рода организаторско-архитектурной и государственно-контрольной, такъ сказать, работѣ русской національной мысли, результаты выводовъ и изысканій трудовъ такихъ лучшихъ нашихъ государственныхъ, общественныхъ

и литературныхъ дѣятелей — не столько ограничены или мало успѣшны были, сколько недостаточно популярны, вслѣдствіе характера, условій и объема того промежутка времени, въ теченіи котораго производился и находилъ возможность гласно высказываться такой критическій анализъ нашихъ государственно-общественныхъ порядковъ и учреждений. —

Впрочемъ, и въ ближайшее, реформенное время были повторены пожеланія въ пользу укрѣпленія, мѣрами искусственно-государственными, законности и правомѣрности всей нашей русской жизни. Такъ, напр., недавно и много разъ, повторены такіа пожеланія и ходатайства въ пользу возможно-безусловной и абсолютной отвѣтственности судебной всѣхъ исполнителей закона. Было предложено обставить службу административную и общественно-государственную всѣми, возможными только и дѣйствительными, гарантіями полной вмѣняемости ошибокъ и упущеній всѣхъ исполнителей дѣла государственнаго и общественнаго. Было, также, высказано предложеніе въ пользу такого, качественного и пространственнаго, улучшения и расширенія Сенатскаго „блюстительства

законовъ“, которое дало-бы дѣйствительную возможность этому нашему верховному, административно-судебному, государственному учрежденію — стражу и защитнику: правды и милости — въ судахъ, порядка и законности — въ дѣлахъ государственныхъ и общественныхъ — быть всегда на высотѣ своего идеально-справедливаго и вполне достижимаго, всепримиряющаго и всеконтролирующаго, призванія государственнаго. —

И наконецъ, въ прошломъ, въ трудахъ славнаго русскаго человѣка, организатора нашего Государственнаго Контроля, можно найти много, и теперь вполне желательныхъ, благодѣтельныхъ, практическихъ очень и справедливыхъ, предложеній въ пользу расширенія государственно-контрольной власти и назначенія нашихъ русскихъ ревизіонныхъ учрежденій настолько, чтобы создать — въ лицѣ этого теперешняго, повуда весьма скромнаго и слабаго, цензора только государственной казны — дѣйствительный, широкій и мощный государственный контроль-пособникъ Сенату и суду, контроль-оберегатель и ревизоръ не только фиска и казеннаго сундука, но — и порядка, производи-

тельности всѣхъ общественно-государственныхъ дѣлъ и учреждений.—

И нужно сказать правду, всѣ эти пожеланія и проекты, давнишніе и настоящіе, въ пользу нѣкоторой, основательной перестройки и улучшенія порядковъ и учреждений нашей государственной жизни,—нисколько не мечтательны, а вполне могутъ быть осуществлены съ пользою дѣйствительною и великою.—

Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтственность судебная и самая широкая, криминальная, вмѣняемость служебная и должностная можетъ быть легко достигнута—и въ службѣ государственной, и въ общественной—при посредствѣ суда короннаго и самостоятельно-независимаго, и суда общественной совѣсти-присяжныхъ, если только законъ предоставитъ или расширитъ существующее уже право исковъ и жалобъ: частныхъ лицъ—прокурорскому надзору и мировому институту; учреждений и должностныхъ лицъ—Сенату административному (1-му департаменту) и суду, при посредствѣ или того-же прокурорскаго надзора, или—особыхъ дисциплинарныхъ, административныхъ судовъ.— Другими словами, я хочу всѣмъ этимъ сказаннымъ выс-

тавить необходимость организаціи у насъ такого института „прокурорскаго надзора“ — подчиненнаго непосредственно ли Верховной власти или Сенату — который своимъ граждански-симпатичнымъ характеромъ и почотной независимостью своего положенія, въ качествѣ народнаго, такъ сказать, трибуна, сумѣлъ-бы овладѣть священнымъ правомъ и фактической возможностью гуманной защиты: праваго, но слабаго; умѣлъ-бы, при помощи суда формальнаго или совѣстнаго; направить свое спасительное veto въ защиту всякаго обиженнаго беззаконнымъ-ли произволомъ, или бездушною и безпощадною строгостью правды формальной, юридической, но не нравственной.

Прокуроръ, выборный-ли или коронный, но не смѣняемый безъ суда и приказа Царскаго или Сенатскаго, явился-бы, дѣйствительно, въ нашей молодой и мало устроенной жизни, — и царскимъ, всезрящимъ судейскимъ окомъ, и всесильнымъ, предавнымъ другомъ и блюстителемъ правды, порядка и законности.

Народъ и общество, во многихъ несчастныхъ случаяхъ своей жизни, имѣли-бы полную возможность довѣрчиво и съ надеждой понести на

совѣтъ и защиту этого своего трибуна-прокурора — и свои обиды, и разные недоразумѣнія. А народный трибунъ-прокуроръ всегда съумѣлъ-бы дать просителямъ, или обиженнымъ и оскорбленнымъ — или добрый совѣтъ и объясненіе, или надлежащую защиту и удовлетвореніе: при посредствѣ милости-ли Царской, правды Сенатской или совѣсти общественно-судейской.

Прокуроры—такіе царскіеочи и защитники порядка и правды, по идеѣ своей по крайней мѣрѣ — существуютъ уже въ каждомъ нашемъ губернскомъ городѣ, стоить только расширить и укрѣпить ихъ власть, назначеніе и быть, увеличить прокурорскій надзоръ и объемомъ его дѣятельности, и силами и числомъ, создавъ такихъ народныхъ трибуновъ и для уѣзда-села, въ видѣ-ли мировыхъ посредниковъ, или вмѣсто теперешнихъ непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ,—и Россія, въ лицѣ такихъ „прокуроровъ общественной правды и порядка“, пріобрѣтетъ и завидно-почотное поприще для лучшей своей интеллигенціи, и, главное, надежныхъ, вѣрныхъ и несказанно-полезныхъ охранителей: и закона, и интересовъ государственныхъ и народныхъ. —

Какія должны быть отношенія этихъ желательныхъ русскихъ прокуроровъ-трибуновъ къ общественнымъ и государственнымъ учрежденіямъ, какимъ характеромъ регламентаціи можетъ быть опредѣлена и обезпечена успѣшная такая прокурорская дѣятельность, — эти вопросы непременно должны быть порѣшены сообразно назначенію и призванію самаго будущаго прокурорскаго института.

Прокуроръ, въ одно и то же время, — и судья, и посредникъ и адвокатъ, и потому онъ дѣйствуетъ независимо и безъ предопредѣленной программы, болѣе по внутреннему своему убѣжденію, чѣмъ на основаніи догмы законной или стѣснительной регламентаціи предвзятой. И вслѣдствіе этого самъ не создаетъ и не измѣняетъ никакихъ правовыхъ отношеній и жизненныхъ фактовъ, а только — несетъ свой собственный, опытный, или пріобрѣтенный матеріалъ и убѣжденія на совѣтъ представителей государственно-общественныхъ порядка, правды и совѣсти, дѣлая съ этой цѣлью, запросы, представленія и даже ревизію общественнымъ и государственно-административнымъ учрежденіямъ, вчиняя жалобы и просьбы суду и администраціи, или представляя, наконецъ, отвѣты, объ-

ясненія и рѣшенія этихъ учрежденій — на высшее усмотрѣніе правительствующаго Сената и верховной власти Царской. —

Каждый губернскій прокуроръ со своими товарищами — тоже губернскими или уѣздными — *это* возможный, желательный, живой и благодѣтельный *представитель* и *мѣстный*, или провинціальный органъ того-же самаго правительствующаго Сената, столь почотно-извѣстнаго и любаго всему нашему народу по привычной наслышкѣ. —

Сенату-же, этому универсальному царскому оку и блюстителю всеобщаго закона, отдаетъ прокуроръ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и *предупредительнымъ* своимъ veto, въ границахъ напередъ начертанной законной программы или спеціальной инструкціи, оберегаетъ законъ, блюдетъ и ревизуетъ правильность хода всѣхъ общественно-государственныхъ дѣлъ. — Прокурорскій надзоръ, намъ теперь желательный, только предупреждаетъ неправильное и ошибочное толкованіе или исполненіе закона, или заставляетъ повторить и провѣрить такое толкованіе или рѣшеніе несправедливое уже сдѣланное — при посредствѣ верховныхъ

инстанцій. — И въ этомъ охранительномъ, контрольномъ характерѣ прокурорской дѣятельности — вся сила, все спасительное ея значеніе: такого рода, сдерживающее всякую неправду, предупредительное veto и ревизіонно-контрольная инициатива прокурорскаго надзора — несказанно благіе и громадные результаты могутъ дать нашему русскому государственному дѣлу, и, въ такомъ граждански-симпатичномъ объемѣ проведенная въ нашу жизнь, эта прокурорская дѣятельность должна найти радостный и радушный привѣтъ и счастливые успѣхи, и не можетъ, конечно, встрѣтить никакихъ возраженій или препятствій ни со стороны государственно-общественной, ни въ смыслѣ, тѣмъ менѣе, практическомъ. —

Равнымъ образомъ, и существующій уже въ Россіи Контроль Государственный, какъ отдѣльное, самостоятельное ревизіонное учрежденіе, предназначенное для суда, критики и повѣрки хозяйственныхъ дѣлъ государства, не долженъ у насъ ограничиваться въ своей дѣятельности только узкой и единственной отраслью непосредственно-финансовыхъ операцій государственныхъ. — По мысли компетентнаго и славнаго организатора

нашего государственнаго контроля, покойнаго В. А. Татаринова, много порабатавашаго ради добра и счастья своего отечества, контроль государственнѣй не только не долженъ ограничиваться однимъ финансово-хозяйственнымъ ревизионнымъ наблюдениемъ, да притомъ-же, крайне слабымъ еще, какъ теперь, но предназначался, въ окончательной своей организаціи, къ такому по́сту и назначенію въ нашемъ государствѣ, которое настолько близко подходитъ къ государственному призванію административно-касаціоннаго Сената, на сколько всѣ вообще дѣла государственныя связаны такъ или иначе съ вопросами фиска и финансовъ.—

И дѣйствительно, кантроль государственный можетъ вполне служить, въ нашей государственной жизни, и стражемъ цѣлости и правильности употребленія государственно-общественнаго достоинства, и полезнымъ, авторитетнымъ весьма совѣтчикомъ и иниціаторомъ даже во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, финансовыхъ и административныхъ.

Власть контрольно-ревизорская можетъ вполне успешно пресѣкать и преслѣдовать злоупотребле-

нія государственной казной, эта-же основательная и тщательная ревизія и провѣрка производительности государственныхъ финансовыхъ расходовъ — можетъ, весьма легко и даже неизбежно, сталкиваться въ своей контрольной практикѣ и съ такими вопросами, свойства чисто-административнаго и общегосударственнаго, отъ удачи и правильности разрѣшенія которыхъ зависитъ всегда и самый порядокъ, и успѣхъ самихъ государственныхъ финансовъ. —

Все это общегосударственное значеніе правильной и рациональной организаціи ревизіонныхъ учреждений въ Россіи мудро и глубоко-прозорливо оцѣнилъ и предъугадывалъ, какъ я уже сказалъ, первый нашъ строитель и реформаторъ этихъ государственно-контрольныхъ русскихъ учреждений. — Отсюда и возникла заботливая надежда этого покойнаго руководителя нашего государственнаго контроля преобразованнаго — взростить и укрѣпить у насъ обновленное и благоустроенное государственно-контрольное учрежденіе настолько, чтобы оно вполне отвѣчало присущей ему идеѣ и національному своему назначенію, давая всегда: и надежную защиту, охрану государственной казнѣ и на-

родному достоянію — при посредствѣ своихъ ревизоровъ, и — вѣрныя общественно-государственные выводы, замѣчанія и проекты — при посредствѣ русскаго *Государственнаго Контролера* *) и его Совѣта, тѣсно и непосредственно связанныхъ съ Сенатомъ, Государственнымъ Совѣтомъ и Верховной Властью. —

*) Эта русская должность представляется мнѣ національно-знаменитой: я пророчу Россіи *Государственнаго Контролера* періодически избираемаго народомъ въ лицѣ двухъ или нѣсколькихъ кандидатовъ, утверждаемыхъ нашимъ Государемъ. — Такой земскій и періодически смѣняемый русскій государственный контролеръ станетъ и аккредитованнымъ представителемъ и ходатаемъ у Престола интересовъ земли, и приближеннымъ, авторитетнымъ совѣтникомъ Царскимъ, и мощнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, защитникомъ казны и правды государственной и общественной, если возможность снабдить подобнаго государственнаго контролера: всеобщимъ выборомъ, широкой инициативой ревизіонно-законодательной и близкимъ, настолько счастливо-почотнымъ общеніемъ съ Царемъ, что присяжныя обязанности и личныя убѣжденія, рекомендованнаго народомъ и утверженнаго верховной властью, контролера государственнаго — будутъ въ состояніи находить или удовлетвореніе себѣ и милостивое вниманіе и одобреніе со стороны Царской, или почетное, хотя и безрезультатное, уваженіе, равносильное сложению всѣхъ полномочій государственнаго контролера — народныхъ и Царскихъ — не устраняющему, впрочемъ, ни избранія немедленнаго замѣстителя государственно-контрольной должности, ни сохраненія полнаго жалованія контролеру-предмѣстнику статутномъ этой должности присвоеннаго. —

Конечно, результаты и успѣхъ подобнаго желательнаго и вполне возможнаго расширенія значенія и пространства дѣйствій и полномочій государственнаго нашего контроля — настолько связаны и обусловливаются рациональностью счастливой и удачно-полной его организаціи, и объемомъ свободы и независимости ревизорскаго служебнаго положенія, что могутъ быть вполне достигнуты только при посредствѣ самыхъ тщательныхъ законодательныхъ трудовъ въ этомъ отношеніи. —

Нельзя, однако, не признать, что многое и существенное для пользы и успѣха общественно-государственнаго нашего контрольнаго дѣла — уже сдѣлано законодателемъ въ зародышѣ, и только должно быть развито и распространено дальнѣйшей работой организаторской. —

Данное, напр., нашими законами гражданскими право контрольному вѣдомству комплектоваться ревизорами-нечиновниками, а вольнонаемными, не имѣющими чиновъ, земскими, такъ сказать, замѣстителями; даже высшихъ должностей ревизорскихъ, — весьма цѣнное право и, потому, — очень существенное условіе, увеличивающее, уже и теперь,

шансы жизненного успѣха контрольнаго дѣла.— Это счастливое, уже существующее въ законѣ русскомъ, игнорированіе чиновныхъ ранговъ, въ этой контрольной отрасли службы государственной, служить несомнѣннымъ предзнаменованіемъ, что государственная и правовая наша русская мысль пойдетъ настолько впередъ въ устраненіи чиновнаго мѣстничества, что въ ближайшемъ будущемъ разовьетъ и санкціонируетъ, окончательно, уже созданное и признанное, отчасти, закономъ въ отношеніи государственнаго контроля, право неотъемлемое каждаго государственнаго и общественнаго работника пользоваться служебной позиціей и авторитетомъ соразмѣрно однимъ своимъ способностямъ и дѣловымъ заслугамъ, несмотря на то соотвѣтствуетъ-ли должностному іерархическому регламенту его титулъ и чиновный рангъ, или нѣтъ.—

Разъ устранятся окончательно эти іерархическія преграды и ранговые стѣснительныя условія служебнаго поприща,—контрольное дѣло наше, по своей внутренней привлекательной симпатичности, быстро и прежде всего остальнаго, станетъ комплектоваться полезными работниками земскими,

состоятельными и отличающимися не качествами внешне-чиновничьими, а заслугами дѣйствительно цѣнными и дѣловыми: цензомъ умственнымъ и нравственнымъ, энергіей и жаждой дѣла настоящаго и службы дѣйствительно полезной и государству, и народу.—

Въ контрольномъ дѣлѣ приливъ новыхъ, свѣжихъ такихъ элементовъ рабочей его силы — самымъ производительнымъ образомъ и самъ собою уже сослужить свою возможно-добрую, а въ настоящее время финансовыхъ нашихъ затрудненій, — очень и очень желательную службу государству; расширить этотъ самый притокъ свѣжихъ и энергичныхъ, рвущихся впередъ, сихъ молодыхъ работниковъ — и практическія границы идейнаго содержанія нашего контрольнаго дѣла, и создать, въ контрольной службѣ при такихъ благопріятныхъ и такъ легко достижимыхъ ея условіяхъ, полубюрократическое, полужемское привлекательное поприще для лучшихъ силъ молодой нашей интеллигенціи.

Сенатъ нашъ административно-правительствующій, также, легко можетъ сослужить свою великую службу и Россіи, и Царю и всему народу

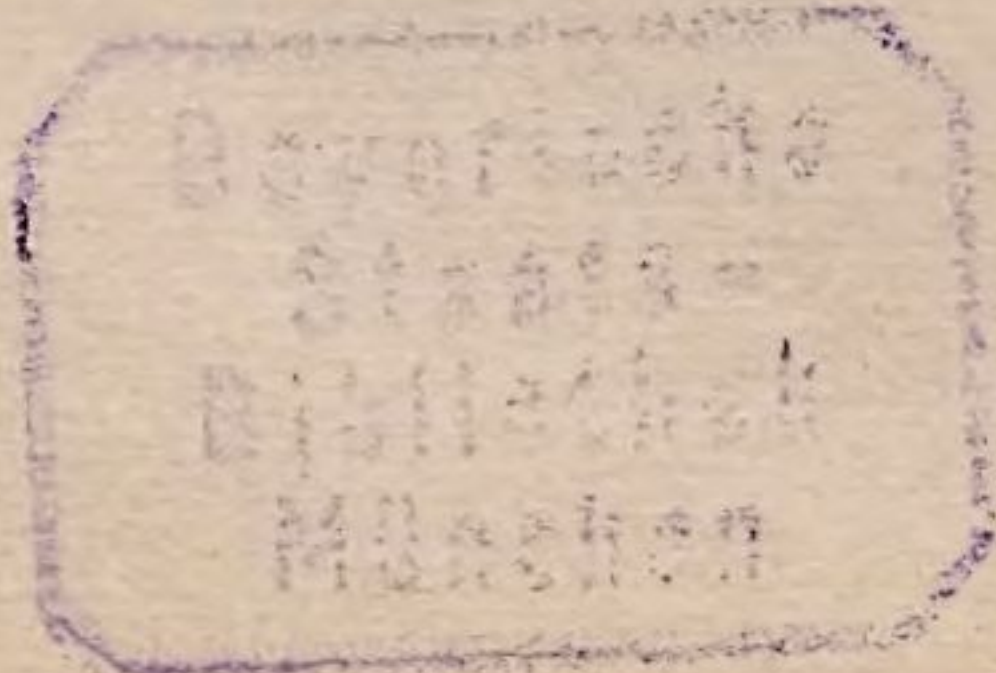
нашему— при посредствѣ своей ревизіонно-контролирующей дѣятельности и при условіи распространенія этой наблюдательной дѣятельности Сената: на уѣздъ и губернію въ лицѣ тамошнихъ его представителей—прокуроровъ, народныхъ трибуновъ, о которыхъ я говорилъ выше.—

Сами мудрые сенаторы, прошедшіе въ судахъ и службѣ государственно-общественной искусъ привычнаго и добраго стоянія за правду и милость; сенатскіе пособники и младшіе помощники—мѣстные, провинціальныя прокуроры, да коллегіальная гласность въ дѣлопроизводствѣ сенатскомъ—сдѣлаютъ такое доброе и великое дѣло нашему отечеству, что въ немъ не станетъ мѣста никакой неправдѣ: Царь и высшій судъ всегда ее уничтожатъ, потому что, въ этихъ охранительныхъ, государственно-контрольныхъ порядкахъ, найдутъ возможность знать и давать милостивое и карающее свое правосудіе — и добру, и злой неправдѣ на всемъ пространствѣ своей земли 80-ти миллионнаго народа.—Вѣримъ мы, что такъ благоустроится наша родина въ самомъ ближайшемъ будущемъ, — это русское счастье и благополучіе очень и очень возможно, — главное дѣло, а

приблизить дѣйствительное осуществленіе добрыхъ и желательныхъ русскихъ порядковъ — позаботится и легко уже можетъ сама истинно-русская государственная программа, если только она приметъ въ руководство и счастливо-мудро вырабатывается у насъ. —

Но гдѣ, скажутъ, государству, при самомъ добромъ и искреннемъ желаніи слѣдовать этой истинной государственной программѣ, взять возможности еѣ осуществить въ нашей жизни? Гдѣ и откуда найдутся и прійдутъ: и смѣлость, и силы и средства, наконецъ, исполнить, предписываемыя этой программой, освобожденіе земли и призваніе къ настоящему русскому дѣлу земства и молодежи? —

Вѣдь, освобожденіе или выкупная экспропріація земель и устройство надлежащее быта крестьянскаго — потребуютъ отъ государства милліонныхъ расходовъ, которыхъ не вынести намъ, а освобожденіе и призваніе земства и молодежи, пожалуй, поведетъ еще къ бѣльшей и худшей внутренней

смутѣ, давъ относительную свободу, права и дѣятельность тому, кто не умѣетъ ими пользоваться безъ злоупотребленій и крайнихъ заблужденій, какъ то доказываютъ послѣднія прискорбныя происшествія въ нашей жизни?..

Я, раньше, уже обнадеживалъ и теперь вновь настаиваю утверждать, что средства матеріальныя и духовныя найдутся для дѣйствительнаго и скораго исполненія истинной государственной программы, и постараюсь ниже доказать это своеглубокое убѣжденіе; насчетъ-же послѣдняго рода опасеній, скажу и постараюсь убѣдить, насколько съумѣю, что опасность злоупотребленій у насъ свободой, создаваемой истинной государственной программой, рушится и исчезнетъ въ силу одной живительности, трезвости и истинности, всеобъемлющей и всеудовлетворяющей, самой-же этой государственной программы.—

Говорятъ, неначто строить Россію, нѣтъ средствъ выкупить землю и порядокъ, и создать народу благополучіе! Такое непонятное и суевѣрное убѣжденіе — совсѣмъ не вѣрно; оно не понятно и не раздѣляется даже иностранцами, насъ изучившими. Вѣрующіе и знающіе люди думаютъ,

напротивъ, что нѣтъ въ Европѣ цѣлой такого государства, сильнаго и матеріально, и духовно, равнаго Россіи.—

Говорятъ, также, незачѣмъ давать больше народу земли, потому что у него и такъ ея много, а у насъ и земли мало, и плоха земля эта, а нужно дать только народу сельскохозяйственную науку, познакомить и наставить его пахать и эксплуатировать почву интенсивной культурой, или культурой —выжиманія изъ земли какъ можно больше, на пространствѣ возможно меньшемъ...—

Я не понимаю такого заблужденія или невѣжества насчетъ недостатка нашихъ земель; не понимаю, также, и того нелѣпаго или фарисейскаго совѣта народу по части интенсивной культуры его земель...

Если такъ говоритъ своекорыстный и намѣренный расчетъ, намекая, этимъ некультурнымъ совѣтомъ, народу —перейти къ интенсивной и всякой другой культурѣ земли помѣстій, а не собственной,—то понятенъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ этого хитроумнаго совѣта мужику: бросить добровольно или вынужденно свои десятины, чтобы

культивировать земли помѣстные насчетъ застоя собственныхъ своихъ земель и благополучія. —

Если-же не предполагать злаго умысла въ этомъ настойчивомъ совѣтѣ и требованіи, заявляемомъ у насъ уже много лѣтъ, научности и культурности въ русскомъ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ, — то такой совѣтъ совсѣмъ не патріотиченъ, не уменъ, просто смѣхотворенъ даже, если угодно, при нашей русской обстановкѣ жизни. —

Ну предположите, на милость, что нашъ мужикъ дѣйствительно послушался, прожужжавшихъ всѣмъ намъ уже уши, такихъ ламентаций и якобы авторитетныхъ и народолюбивыхъ совѣтовъ, — гдѣ нибудь раздобылъ чудесно машинъ, капиталовъ для скота и удобренія, завелъ плодоперемѣнную и всякія иныя заморскія системы обработки полей, ввелъ травосѣяніе, словомъ, по всѣмъ правиламъ агрономіи и научнаго интенсивнаго хозяйства, распорядился со своими десятинами, но обработалъ и засѣялъ ихъ не десять, напр., числомъ, какъ теперь, а только пять по причинѣ этихъ научныхъ утонченныхъ и хлопотливыхъ приѣмовъ, — кажется, все должно хорошо быть, уро-

жай превосходный, полны закрома хлѣба и всякаго добра, однимъ словомъ—благополучіе полное.—

Но смѣю васъ увѣрить—и мужикъ въ этомъ твердо по инстинкту убѣжденъ, и всѣ мы это предусматриваемъ и даже сами совѣтчики, искренніе доктринеры, это чувствуютъ—что дѣйствительность и физико-географическія и другія условія Россіи не только не оправдаютъ у насъ этой научной теоріи земледѣлія, но заставятъ убѣдиться воочию и разочароваться въ полной убыточности такого *интенсивнаго*, какъ его называютъ, культивированія русскихъ земель, не смотря на всю успѣшность практики такихъ системъ сельскаго хозяйства на Западѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, предположите возможность широкую такого научнаго опыта въ нашемъ хлѣбопашествѣ,—вы ничѣмъ не застрахуете себя отъ того случая, часто бывающаго у насъ и теперь, что на ваши, такъ утонченно воздѣланные, поля повѣтъ другой вѣтеръ, произойдутъ хорошо знакомыя намъ метеорологическія и всякія другія переменны на пространствѣ огромной нашей территоріи, явится, вслѣдствіе этихъ пертурбацій климатическихъ, бузъка-жучокъ или гессенская и

всякая иная муха, саранча и другіе, почти постоянныя, но только передвигающіеся, враги нашего земледѣльца... — Однимъ словомъ, получатся этакіе прискорбныя, но возможные у насъ земледѣльческіе результаты въ итогѣ всѣхъ трудовъ, громадныхъ затратъ и неизбѣжнаго ограниченія пространства земель подъ запашку, непременно являющагося вслѣдъ за такой культурной земли въглубь, а не вширь, — что́ будетъ тогда съ вашей излюбленной интенсивной культурой, оправдаетъ-ли она ваши надежды хоть пять разъ изъ десяти, и не раззоритъ-ли она и мужика, и насъ всѣхъ, оставивъ въ иной годъ цѣлое государство и безъ хлѣба, и безъ, нелѣпо разстраченныхъ, капиталовъ?..

А на Западѣ этого не можетъ быть: другой климатъ, другія условія создали и иное сельское хозяйство. Оттого намъ и завидно, что тамъ агрономія идетъ на научныхъ началахъ; оттого и хотимъ мы—хоть силою да—перетащить эту научную систему обработки земли, а сами-то, въ своихъ хлопотахъ и радѣніяхъ подражать Западу, того и не видимъ, что тамъ агрономія ведется

такъ, а не иначе — просто потому, что такова необходимость, таковы европейскія условія жизни. —

Гдѣ земли мало и она не свободна или захвачена въ руки капиталистическаго производства, тамъ, конечно, сама необходимость вынуждаетъ воздѣлывать то, что есть и какъ можно лучше, интенсивнѣе, не жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ, ни хлопотъ, потому что трудъ окупается (какъ въ капиталистическомъ производствѣ, всегда наравляемомъ и имѣющемъ къ тому-же власть устанавливать цѣны, а не слѣдовать и самому принаравливаться къ цѣнамъ на земледѣльческіе продукты), или просто оттого, что некуда и не на что затратить работу, а земля, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, а кормитъ земледѣльца западнаго. — А у насъ, гдѣ земли — непочатый край и праздныхъ капиталовъ нѣтъ, и нѣтъ надежды всегда собрать даже то, что посѣешь, — нужно, поэтому, обсеивать земли, покуда, какъ можно больше, чтобы собрать, при всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, хлѣба какъ можно больше и какъ можно дешевле: земледѣльческій продуктъ нуженъ и намъ самимъ, и остальному человечеству, и пригодится и обогатитъ насъ въ

торговлѣ нашей, если не теперь, то въ нашемъ русскомъ будущемъ. —

Мы все толкуемъ наоборотъ, суевѣрно и по чужимъ образцамъ, потому что не понимаемъ всѣмъ условій родной жизни и нашего государственнаго и историческаго призванія. Мужикъ и простой человѣкъ, если не понимаетъ, то чувствуетъ это дѣло гораздо лучше, и разумнѣе и правдивѣе. Оттого онъ и не слушается разныхъ такихъ неподходящихъ, заученныхъ совѣтовъ и наставленій, смѣется подчасъ надъ своими учителями, и потому озлобляетъ ихъ и убѣждаетъ въ своемъ, будто-бы, тупоуміи и дикости. А дѣло объясняется не воображаемымъ тупоуміемъ и невѣжествомъ мужика, — мужикъ не слушается и не учится не потому, что не можетъ или, не хочетъ учиться и просвѣщаться, а просто оттого, что не понимаетъ ни преподаваемой ему науки, ни своихъ непрошенныхъ учителей, или, лучше сказать, — понимаетъ это дѣло и разумѣетъ совѣты и рекомендуемую науку по своему: простовато, но зато вѣрнѣе, лучше и истиннѣе самихъ господъ, фанатическихъ или своекорыстныхъ, его учителей... Вотъ почему, благодаря этому чедес -

ному и правдивому чутью нашего мужика, мы и будемъ идти, хоть скорѣе и лучше, осмысленнѣе, но той-же дорогой, какъ шли до сей поры; будемъ дѣлать тоже, что намъ подсказывали до сихъ поръ наши здоровые, природные инстинкты; будемъ пахать и культивировать землю также широко, но не глубоко, какъ воздѣлывали ее до сихъ поръ. Дай Богъ только, чтобы побольше завелось у насъ земельныхъ хозяевъ-собственниковъ, и — поменьше пустопорожней или несвободной земли, да была-бы копѣйка лишняя у этихъ хозяевъ, чтобы не нуждаться ни въ обратномъ кое-какомъ капиталѣ, ни въ орудіяхъ и скотинѣ, и — не кабаливать, оттого, ради ихъ пріобрѣтенія, своей экономической свободы кулаку-эксплоататору. —

Такъ традиціонно — и съ виду глупо и нерасчетливо — хозяйничать землей мы не перестанемъ до тѣхъ поръ, пока земли у насъ хватитъ, и — не переменятся наши естественныя условія. А, — вотъ, когда распашемъ основательно, и такъ какъ умѣемъ, все свободное теперь пространство земельное, для нивы годное, да возьмемъ изъ него все, что оно можетъ дать безъ истощенія и безъ изнурительныхъ затратъ, да когда понаѣдутъ — искать и

просить Христа-ради землицы у Россіи—нѣмцы и всякіе иные инородцы,—тогда мы по благодушію потѣсимся, сколь можно болѣе, чтобы дать мѣстечко и этимъ голоднымъ пришельцамъ, а сами возьмемся тогда, пожалуй, и за пресловутую научную и интенсивную культуру земли...

И такъ, стало быть, не чего-нибудь научнаго недостаетъ Россіи въ земельномъ дѣлѣ и вопросѣ, а требуются экономическія только реформы и содѣйствія нашему аграрному дѣлу. Нужна намъ не интенсивно-научная культура, а возможно пространственная, на началахъ свободнаго труда основанная, культура нашихъ колосальныхъ земельныхъ пространствъ.—Эту основную систему русскаго аграрнаго дѣла и должна принять въ руководство, какъ мы доказывали, истинная государственная программа, и для осуществленія такой національной программы государство и обязано не пожалѣть ни трудовъ, ни средствъ личныхъ, ни хлопотъ и заботъ къ отысканію средствъ теперь отсутствующихъ, необходимыхъ для выручки, выкупа и воздѣлыванія нашей земли на началахъ возможно распространеннаго труда

свободнаго, экономически-обезпеченнаго и производительнаго. —

Если средствъ наличныхъ нѣтъ или не хватаетъ на это дѣло земельное, мы ихъ раздобудемъ, займемъ, наконецъ—обратимся съ просьбою, съ мольбою даже къ продавцамъ земли, къ тѣмъ у кого государство будетъ пріобрѣтать землю для распространенія свободнаго и хозяйскаго, а не помѣстнаго ея владѣнія,—попросимъ этихъ людей во имя общей пользы и патріотизма—разсрочить намъ покупную сумму, ограничившись получениемъ отъ насъ только $\frac{1}{2}$ -въ и погашенія. — А на покупку, при такихъ условіяхъ платежа только процентовъ или ренты за купленное, у Россіи хватитъ и теперешнихъ средствъ, еслибъ даже пришлось купить, какъ мы предполагали, 60—100 милліоновъ десятинъ. — Лишнихъ 200—300 милліоновъ рублей прійдется пріобщить къ дефициту нашего государственнаго бюджета—только въ первый годъ покупки, а затѣмъ — и дефицитъ уничтожить, и казну наполнить и себя поправить самъ новый хозяинъ купленной земли, — мужикъ-крестьянинъ.

Двѣсти и больше, даже въ десять разъ больше, милліоновъ — отыскать, на доброе дѣло притомъ-

же, 80-ти миллионному государству — не, Богъ вѣсть какъ трудно. — Конечно, прежде, чѣмъ раздобывать нужные на дѣло миллионы, государство должно твердо рѣшиться, какъ мы уже убѣждали въ томъ, осуществить вполнѣ, по всѣмъ пунктамъ, истинную государственную программу, ибо только въ такомъ случаѣ новыя жертвы будутъ умѣстны, и только тогда явятся и — всѣ средства эксплуатировать успѣшно, на новыхъ началахъ, землю и силы народныя, и — явятся достойные и умѣлые люди, чтобы внести эти начала въ самую жизнь и осуществить такое дѣло съ наименьшими и наименее производительными затратами этихъ средствъ. —

Если это руководящее, основное положеніе приметъ государственной программой во вниманіе, то имъ-же обеспечится и успѣхъ самой программы, и осуществленіе и выборъ необходимыхъ начинаній для отысканія людей и матеріальныхъ средствъ исполненія земельного дѣла Россіи. —

Та-же истинная государственная программа, въ дѣлѣ пріобрѣтенія для своихъ реформъ матеріальныхъ средствъ, не преминетъ разобратъ и наличныя финансовыя силы государства, внесетъ, прежде всего, въ финансовое дѣло определенную

и твердо-бережливую финансовую систему, изслѣдуетъ самые источники и теперешнихъ платежей государственныхъ силъ, улучшить и урегулировать ихъ тяглость фиску, и настоять на экономическомъ и хозяйственномъ расходованіи и эксплоатаціи, какъ самихъ податныхъ источниковъ, такъ и поставляемыхъ ими финансовыхъ средствъ.

Въ этомъ отношеніи финансоваго нашего строительства, также окажутъ или могутъ оказать надежную помощь государству — и земство, и литература наша, работы которыхъ и теперь обильны, и очень пригодны будутъ для улучшенія русскихъ государственныхъ финансовъ, кредита и всего нашего хозяйства. —

Въ дѣлѣ удовлетворенія текущихъ и будущихъ нашихъ нуждъ, въ дѣлѣ „собиранія русской земли и народа“ помогутъ, повторяю, родятъ свое бытіе и будущія средства своего развитія, больше всего — само это „собираніе“ и дѣйствительное

удовлетвореніе нуждъ Россіи. Но направить скорымъ, надлежащимъ и производительнымъ образомъ способы практики этого „собиранія“ русскихъ людей и земли; пріискать и обезпечить дѣлу этому нужныя матеріальныя средства,—нужно и возможно только однимъ искусственнымъ путемъ. — Нужно, теперь, позаботиться гарантировать успѣхъ дѣлу подходящими пріемами организаціи кредита и финансовъ, извлечь всѣ выгоды изъ наличныхъ государственныхъ финансовыхъ источниковъ, благоустроить, сколь можно пополнить и обезопасить настоящую государственную казну, найти способы бережливаго и производительно-экономическаго ея расходованія, и, такимъ образомъ, сѣумѣть сберечь и мудро-расчетливо направить и настоящія всѣ средства и силы государственныйя—къ немедленному, спасительному служенію предстоящему великому дѣлу Россіи.—

И въ этой, всегда умѣстной и доброй, задачѣ—улучшенія государственныхъ финансовъ и хозяйства—земство и литература и прежде старались оказать содѣйствіе правительству, и теперь много могутъ помочь, какъ я уже сказалъ, если приняты будутъ во вниманіе идеи, опытность, знанія и ра-

боты этих лучших наших общественных дѣятелей, дѣйствительно, добросовѣстно потрудившихся надъ разрѣшеніемъ истиннымъ почти всѣхъ существенныхъ и неизбѣжныхъ задачъ Россіи.—

Такъ, напр., въ финансовомъ дѣлѣ, исходя изъ основательнаго знакомства со своимъ частнымъ хозяйствомъ губерніи, уѣзда, села, и подымаясь постепенно къ освѣщенію хозяйства общегосударственнаго, связаннаго, какъ причина съ слѣдствіемъ, непосредственно съ упадкомъ или благосостояніемъ земскихъ хозяйствъ, — наше земство выставило и причислило къ числу существенныхъ и неотложныхъ русскихъ государственныхъ задачъ: неприкосновенность отчужденію или переходу въ частныя руки, путемъ продажи или уступки, общиннаго и подворнаго земельного надѣла, помимо улучшенія и возможно-большаго расширенія этого надѣла. Далѣе, земство установило и доказало, въ глазахъ всей честной, благомыслящей и не глухо-слѣпой Россіи, грустный, опасный, но легко еще, какъ мы видѣли это выше, поправимый фактъ почти поголовнаго и повсемѣстнаго обнищанія крестьянскихъ хозяйствъ, этихъ источниковъ и коренныхъ устоевъ прочно-

сти и богатства самаго хозяйства земскаго и государственнаго. —

Земство изслѣдовало и указывало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и причину этого обнищанія, явившуюся, въ числѣ причинъ болѣе существенныхъ и неблагопріятныхъ условій общегосударственныхъ, вслѣдствіе неравномѣрности налоговъ и обложенія крестьянскихъ хозяйствъ, оставленныхъ въ полнѣйшей безпомощности и при скудномъ и плохомъ надѣлѣ.

Люди земскіе предлагали и средства исцѣленія, хоть нѣкотораго, паллятивнаго, этихъ нашихъ крестьянскихъ недуговъ, въ крайнемъ случаѣ оставленія *status quo* надѣловъ, и всего теперешняго земельного хозяйства Россіи. — Такиими желательными и относительно цѣлебными средствами, въ борьбѣ съ крестьянскимъ обнищаніемъ, земство считаетъ: развитіе возможно-большее, мѣрами государственными, общиннаго владѣнія — насчетъ подворнаго и частнаго; поощреніе и устройство переселеній — насчетъ запасныхъ земель государственныхъ и при помощи государственнаго казначейства. — Были, наконецъ, предложены проекты, на этотъ-же случай паллятивнаго, а не основательнаго и прочнаго леченія

крестьянской бѣдности, но притомъ и нѣсколько своеобразные проекты, требовавшіе поощренія или устройства частнаго и государственнаго кредита для раздробительной и, такъ сказать, гражданской покупки, самими крестьянами, продажной земли, гдѣ имъ угодно, но какой угодно цѣнѣ и на счетъ какихъ угодно средствъ, пожертвованій и расходовъ.—Далѣе, лучшіе и болѣе нравственные земства, смотря на дѣло крестьянское внимательно и безъ предвзятыхъ мыслей, видѣли, отчасти, причину упадка и этого дѣла, и своихъ дѣлъ и хозяйствъ: въ тѣхъ ветхихъ политико-экономическихъ и финансовыхъ условіяхъ нашего государственнаго хозяйства, которыя выражаются въ ничтожной почти тяглости фиску нашей частной и помѣстной собственности.—Земство, и лучшіе люди наши практической жизни и литературы, осудили уже окончательно и такія ветхія аномаліи русской финансовой политики, и—протестуютъ также противъ тѣхъ, отживающихъ своихъ вѣкъ, политико-экономическихъ нашихъ несчастныхъ, завѣщанныхъ намъ прошлымъ вѣкомъ рабскимъ и крѣпостническимъ, государственныхъ порядковъ, которые бременятъ кое-гдѣ народъ, еще

впрочемъ весьма многочисленный, временно-обязанныхъ крестьянъ, остающихся до сихъ поръ въ высшей степени тяжелой и несчастной обстановкѣ экономического быта, уступающаго по своей незавидности развѣ только экономическому быту того пролетарія и захудавшаго крестьянина, о которомъ выше и много уже мы говорили. Временно-обязанный—это тотъ-же почти батракъ или крестьянинъ-горемыка, котораго нужда, долги, недоимки и необходимость арендовать помѣщичью землю—отдаютъ безжалостно въ экономическое рабство кулака-эксплоататора, или заставляютъ „обязываться смерти равносильными лѣтними работами“ помѣщику.—

Таковы, въ главныхъ и существенныхъ чертахъ, почти всѣ лучшія, земскія пожеланія и хотѣйства въ пользу успѣшнаго развитія всего нашего государственнаго хозяйства. Если въ числѣ этихъ земскихъ экономическихъ и финансовыхъ работъ выдѣлялись иногда и своеобразно-странные проекты, то зато, въ большинствѣ случаевъ, нужно признать то отрадное явленіе нашей земской жизни, что общественная и земская мысль всегда работала въ этомъ отношеніи съ рѣдкимъ

безпристрастіемъ и согласіемъ съ истиной и правдой. —

Вотъ почему я и рѣшаюсь снова повторить теперь мое прежнее заявленіе, что нужная для нашего финансоваго и всякаго другаго строительства работа уже вся почти — теоритически или въ чернѣ, если угодно, но уже — сдѣлана.

Люди-строители найдутся сами-собою, если начнется и объявлено будетъ, какъ мы доказывали-то, самое это дѣйствительное строеніе, а средства, оборотные капиталы и финансы — это дѣло уже третьестепенное: они отыщутся непременно или уже найдены будутъ въ значительномъ количествѣ, если исполнить только одни выше-приведенные земскіе пожеланія и проекты. —

Наконецъ, къ тому-же, въ финансовомъ дѣлѣ отысканія для нашего строительства нужныхъ средствъ, кромѣ земства, еще и литература наша можетъ оказать государству большую помощь, и предложить добрые совѣты и надежные проекты. Такъ напр, въ видахъ равномернаго и общаго обложенія всѣхъ безъ исключенія источниковъ государственныхъ доходовъ, литература наша — журнальная и научная — уже давно проектировала

и настаиваетъ на введеніи въ нашу финансовую систему „подходнаго налога“ — дѣло это, очевидно, доброе и полезное, да и не такъ трудно исполнимое у насъ, какъ это казалось прежде: давнишняя практика этого идеально-справедливаго податнаго института въ западно-европейскихъ государствахъ — и счастливо, въ фискальномъ отношеніи, его эксплуатируетъ, и успѣла, притомъ-же, выработать искусные приемы и средства осуществленія въ жизни вполнѣ правильнаго подходнаго налога, такъ-что мы очень успѣшно и полезно можемъ поучиться, въ этомъ отношеніи, и позаимствоваться съ Запада, если пожелаемъ только этого. —

Литература, далѣе, предлагала, совершенно справедливо, обратить наше вниманіе на устройство настолько цѣлесообразной системы государственнаго кредита, чтобы кредитъ этотъ покупался Россіей и возможно-экономически, и служилъ самъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторымъ источникомъ государственныхъ доходовъ — Съ этой цѣлью было предложено, много разъ, принять государственныя мѣры къ обузданію денежныхъ и фондовыхъ спекуляцій и ажіотажа насчетъ государственнаго казначейства, виновникомъ которыхъ считаютъ, от-

части, нераціональное, казенное и слишкомъ свободное устройство и положеніе нашего государственнаго банка, а отчасти—и вѣроятно болѣе всего —отсутствіе и недостачу гласности и ясности, надежнаго контроля государственнаго и общественнаго въ государственныхъ дѣлахъ кредитныхъ и фанансовыхъ.—

Съ этой-же цѣлью благоустройства русскихъ финансовъ, научная литература наша усиленно, хотя и менѣе единодушно и опредѣленно, работывала и нашъ бумажно-денежный вопросъ. Съ той-же цѣлью—поправленія нашихъ финансовыхъ обстоятельствъ отысканіемъ новыхъ, сильныхъ и обильныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ—предложены были, хотя и не смѣло-убѣжденно, и доводы въ пользу обложенія налогомъ государственныхъ фондовъ, кредитныхъ и % бумагъ, частныхъ акцій и облигацій промышленныхъ, ипотечныхъ и т. п.—

Оба эти вопроса нашей финансовой политики: и бумажно-денежный, и фондовый, или лучше—„купонный налогъ“—не вполнѣ, мнѣ кажется, рѣшены даже въ принципѣ, по отношенію къ нашимъ собственно условіямъ жизни, потому что большин-

ство мнѣній публицистики высказывается и за и противъ. —

Въ первомъ вопросѣ большинство и громадное большинство на сторонѣ металлической русской денежной валюты, а никакъ не бумажной: здѣсь сошлись и всѣ научно-финансовые, или лучше сказать — теоритическіе авторитеты, и финансисты практики, биржевые и всѣ такъ-называемые дѣловые люди, и наконецъ — большинство нашей печати. Всѣ эти защитники и сторонники „металлической“ денежной валюты въ Россіи, искренне или съ расчетомъ, но энергично разбиваютъ въ пухъ и прахъ нашу бумажно-денежную систему, обвиняютъ ее, эти бумажные деньги, во всѣхъ почти нашихъ напастяхъ и бѣдахъ, и деспотически, ожесточенно-ревностно требуютъ покончить счеты съ нашими кредитными билетами — окончательно и непремѣнно хотя-бы цѣною какихъ угодно дорогихъ, милліонныхъ займовъ чужестраннаго золота для этой пропагандируемой новой русской металлической валюты. —

Въ вопросѣ-же фондоваго или купоннаго налога, наоборотъ, не встрѣтилось ни такого числа, ни такого выгоднаго качества защитниковъ его,

и, вѣроятно, оттого такъ, что купонный налогъ недвусмысленно затрогиваетъ собою интересы тѣхъ поборниковъ металлической валюты и враговъ бумажно-денежнаго обращенія, чьи интересы или выиграть должны или нимало не пострадаютъ отъ этой такъ прославляемой „металлической“ реформы... Но зато „купонный налогъ“ встрѣтилъ, какъ и слѣдовало ожидать по его внутренней правдѣ, поддержку, радушный пріемъ и оправданіе — въ лицѣ національной нашей науки и среди лучшей печати, что и даетъ намъ надежду считать дѣло этого купоннаго налога — и несомнѣнно полезнымъ для Россіи, и справедливымъ, практичнымъ, и потому близкимъ къ своему дѣйствительному осуществленію. —

Кромѣ такихъ положительныхъ и настоятельныхъ нововведеній въ податной и финансовой нашей системѣ — значительно уже устарѣвшей и застывшей въ косной неподвижности, а потому ежедневно приходящей въ разладъ съ жизнью и ея назрѣвшими, вполне выяснившимися уже потребностями и запросами, — литература наша совѣтуетъ обратить также вниманіе на особенную государственную важность, въ финансовомъ, какъ

и во всякомъ дѣлѣ, того тщательнаго наблюденія, которое мѣшаетъ родиться въ этихъ дѣлахъ, наряду съ добрыми нововведеніями, такимъ порядкомъ аномальнымъ, которые имѣютъ свойство противиться ходу не только старыхъ дѣлъ, признанныхъ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ въ жизни еще годными, но успѣваютъ всегда тормозить и останавливать силу, дѣйствіе и развитіе дальнѣйшее и самого закона, и самихъ этихъ добрыхъ нововведеній. —

Старые наши финансовыя порядки, въ этомъ отношеніи, не всегда выдерживаютъ, хоть сколько нибудь безпристрастную и откровенную критику, потому что создали и обнаружили въ нашей жизни столько случаевъ неправды, хищеній, растраты или непроизводительнаго употребленія государственнаго и общественнаго достоянія, что справедливо совершенно заслуживаютъ то недовѣріе къ себѣ, подчасъ, вынужденную вражду и ненависть даже, отъ которыхъ не можетъ, въ своемъ патріотическомъ раздраженіи, удержаться искренняя и отзывчивая общественная и народная наша мысль и печатное слово... —

На основаніи такихъ неприглядныхъ, оскорбительныхъ и вполнѣ доказанныхъ много разъ фактовъ хроническаго и явнаго расхищенія государственной казны, печать и общество наше, естественно, протестуетъ такому беззастѣнчиво-возмутительному оскорбленію закона, государства и лучшихъ нравственныхъ чувствъ народа, — требуетъ не казни виновниковъ, растлѣнныхъ и заразившихся худшимъ прошедшимъ, рабственнымъ своимъ воспитаніемъ и традиціонной, низменной житейской моралью, а проситъ, во имя общаго блага, ввести и въ эту среду, и въ эти наши финансовыя и хозяйственныя порядки, такія начала, которыя — силою закона, свѣта и гласности, суда и контроля неослабнаго государственнаго и общественнаго — обуздали-бы дерзкіе и своекорыстные аппетиты тѣхъ людей и общественныхъ дѣятелей, которыхъ Россія не называетъ своими...

И дѣйствительно, свѣтъ и гласность во всемъ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, контроль его государственный и общественный — много и лучше всего могли-бы исправить и этихъ заблудшихъ, служащихъ только одному мамонѣ, людей, и вне-

сли-бы въ самое наше государственное хозяйство — порядокъ и благополучный достатокъ. —

Вполнѣ и сильно дѣйствующій контроль этотъ научилъ-бы насъ, далъ-бы государству возможность пользоваться, дѣйствительно, всѣмъ тѣмъ, что оно имѣетъ въ своей казнѣ; позволилъ-бы употреблять эту казну на дѣло истинно-нужное и полезное, а лишнюю копѣйку — приберечь или про черный день, или на новое и дорогое дѣло. — А дѣла этого новаго и дорогого у Россіи, дѣйствительно, весьма много, всѣ мы знаемъ это, — почему-же, въ такомъ случаѣ, не взяться, въ самомъ дѣлѣ, за умъ, не поберечь эту государственную копѣйку, да тѣмъ болѣе тогда еще, когда она такъ легко можетъ быть кое-гдѣ сбережена?..

Мы вынуждены, экономіи ради, укорачивать солдатскіе шаровары, и обрѣзывать порцію его пайка и приварка насчетъ какихъ-нибудь дешевыхъ, но совсѣмъ не гигиеническихъ суррогатовъ консервовъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяемъ гнить и растрачиваться цѣлому богатству казенныхъ вещей и припасовъ — въ нашихъ интендантскихъ складахъ и магазинахъ. —

Мы настойчиво преслѣдуемъ, ревизіонными на-
четами нашего государственнаго контроля, гроше-
вые передержки и нестоющія никакого вниманія,
пустяшныя или несчастныя неправильности и упу-
щенія по службѣ, а между тѣмъ нехозяйственное
расходование изъ казенныхъ сундуковъ цѣлыхъ
милліоновъ — оставляемъ безъ вниманія, потому
что наши теперешніе порядки не обнаруживаютъ
того, или не даютъ силъ и средствъ доказать и
преслѣдовать злоупотребленія, задуманныя на ши-
рокихъ началахъ и подъ благовиднымъ какимъ-
нибудь предлогомъ...—

Исправить и искоренить эти наши недуги и
финансовыя неурядицы можетъ: и государствен-
ный контроль широкій, сильный и всевѣдущій, на-
дѣленный не призрачными, такъ теперь, а дѣй-
ствительными къ тому средствами, — и контроль,
также, общественный, обставленный при посред-
ствѣ широкаго общенія мысли, слова и печати,
и поддержанный въ своихъ правахъ самимъ за-
кономъ, повелѣвающимъ преступнику, кто-бы
онъ ни былъ, отвѣтствовать за нарушеніе закона
и передъ судомъ общественнаго мнѣнія, и пе-
редъ судомъ общественной совѣсти...

Выслушавъ внимательно все до сихъ поръ сказанное мною въ пользу опредѣленія и защиты истинной государственной программы Россіи, читатель можетъ, надѣюсь, вполне согласиться и раздѣлить мою увѣренность, что такая программа „собиранія русскихъ людей и земли“ и должна быть принята въ руководство нашимъ государствомъ, и не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій, къ своему осуществленію въ русской жизни, ни со стороны идеи нашей жизни, ни тѣмъ менѣе — со стороны финансовой. —

Въ государственномъ-же отношеніи, истинная программа «собиранія людей и земли», дѣйствительно, можетъ возбудить нѣкоторое опасеніе въ своей практичности, потому что программа эта требуетъ довѣрія къ людямъ, а взаимнаго-то довѣрія и единенія намъ, именно, и не доставало до сихъ поръ. — Даже болѣе того: истинная государственная программа довѣрчиво призываетъ къ дѣлу не только всѣхъ русскихъ людей, но и требуетъ ввѣрить руководство этимъ дѣломъ, серьезнымъ и деликатнымъ, людямъ новымъ, мо-

людямъ, которые и не умѣли пока, и не могли заслужить у насъ никакого довѣрія. —

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, истинная государственная программа, требуя и такихъ небывалыхъ для себя исполнителей, и такого непривычнаго довѣрія къ этимъ новымъ людямъ, — предупреждаетъ и ставитъ намъ главнымъ условіемъ своего дѣйствительнаго успѣха: и призывъ этихъ, новыхъ, свѣжихъ людей къ дѣлу, и оказаніе довѣрія этимъ избраннымъ людямъ, этому дѣлу и народу, которыми избранные станутъ руководить. —

Какъ-же быть тутъ, и какимъ образомъ согласить наши привычки и традиціи съ небывалыми такими требованіями истинной государственной программы „собиранія людей и земли“? Ужели, дѣйствительно, возможно, безъ всякихъ опасеній, оказать неизбежное, при предстоящемъ намъ „собираніи земли и людей“, довѣріе и къ этому дѣлу, и къ этимъ людямъ и народу? —

— Да, дѣйствительно, возможно и должно даже, — такъ поступить обязано наше государство въ своей программѣ уже по тому одному, что программа эта, довѣрчиво и мудро собирая людей и землю Россіи, заставитъ этихъ людей и этотъ на-

родъ полюбить и укрѣпить вѣру — и въ свое государство, и въ великое дѣло своей страны, а этой вѣры и дѣла русскіе люди и народъ жаждутъ и просятъ уже давно... —

И возможно, дѣйствительно, вполне безбоязненно и безъ ущерба какому-либо государству — оказать это довѣріе своему народу. Старому интеллигентному поколѣнію этого русскаго народа даже не нужно оказывать, теперь, довѣрія, потому что оно и пользовалось имъ неуспѣшно до сей поры, и само не надѣется, по крайней мѣрѣ — въ убѣжденіи всѣхъ лучшихъ его представителей, оправдать это довѣріе, какъ слѣдуетъ, въ новомъ и предстоящемъ теперь дѣлѣ Россіи. — А молодому образованному поколѣнію и простому народу — ужасно необходимо дать вѣру и заправское, русское дѣло, потому что это дѣло должно хорошо дѣлаться, чтобы Россія двигалась впередъ, и потому, что этотъ народъ и эта образованная русская молодежь — вполне заслуживаютъ всякаго довѣрія, — я это постараюсь доказать.

Молодежь теперь грѣшитъ заблужденіями и даже враждою къ государству не оттого, что таковъ негражданскій и испорченный, тлетворными уче-

ніями и заразой, характеръ этого русскаго молодого общества, а, яснѣе истины, оттого, что мы сами дискредитировались своей безпутностью и непрограмностью, и тѣмъ самымъ — оттолкнули отъ себя все молодое и свѣжее, по самой уже своей природѣ не терпящее компромисовъ правды съ фальшью и дѣла съ словомъ, или — ребячески-близорукаго полудѣла. —

Молодость ищетъ правды жизни и идеаловъ, ищетъ живого, настоящаго и свѣтлаго дѣла, и жаждетъ привязанностей и уваженія искренняго, заслуженнаго. — А мы на каждомъ шагу нашей жизни творимъ ошибку за ошибкой, — и сердимся, когда насъ заслуженно, по долгу совѣсти, за это критикуютъ. — Сами не дѣлаемъ никакого дѣла или занимаемся отвратительными пустяками, а когда сама жизнь нарушить нашъ инертный покой или неумѣло-пошлое бездѣлье, и ужаснетъ своими язвами и бѣдами, вкравшимися туда по нашему-же недосмотру или неумѣнью, — мы сваливаемъ вину съ больной головы на здоровую, во всемъ винимъ нашихъ, якобы недружелюбныхъ, критиковъ-сѣятелей смуты и бѣдъ, — или оправдываемся, наконецъ, во всѣхъ своихъ неудачахъ,

недостаткомъ и недоброкачественностью сотруди-
ковъ и пособниковъ: выкрикиваемъ на всѣхъ пе-
рекресткахъ избитую и глупую фразу: „людей
нѣтъ въ Россіи“!..

Оттого и случилось, дѣйствительно, такъ, что
эта глупая фраза, не смотря на всю свою не-
лѣпость, сохраняетъ свой ироническій и грустный
тотъ смыслъ, что въ Россіи, къ сожалѣнію, много
было людей пустословящихъ или отъ дѣла не
бѣгающихъ, но — правда, истинная правда — мало,
очень мало дѣлающихъ настоящее русское дѣло. —

Оттого и молодежь наша, и все лучшее свѣжее
общество наше до сихъ поръ состояли не у
дѣлъ, что мы сами, имѣя этого дѣла по уши,
что называется, но не понимая его безъ истинной
программы, — и бездѣльничали, и ревниво, недо-
вѣрчиво и стыдливо оберегали нашъ покой, кос-
ность и раслабленіе умственное и духовное отъ
вниманія, общенія и прикосновенія всего молодого,
полного жизни и энергіи, чистаго и непороч-
наго духомъ. —

Оттого, отъ этого ужаснаго разъединенія — ста-
рой и зараженно-распатавнѣвшей части нашего обще-
ства и молодой, дѣвственно-здоровой его части —

и произошло то пагубное русское недоразумѣніе, взаимное недовѣріе и вражда, даже междуусобная и звѣрски-негуманная распря и смута, которую сами мы подготовили своими преступленіями, объясненіе и причину которой сами мы носили въ себѣ и обязаны теперь, для нашего спасенія, предоставить найти, разрушить и исцѣлить — истинной, спасительной государственной программѣ будущаго. —

Вотъ, когда мы твердо и мудро рѣшимся немедленно, основательно и всѣми силами приступить къ оздоровленію корней и причинъ этихъ нашихъ несчастій, — и начертаемъ и начнемъ приводить въ дѣло, съ этою цѣлью, истинную государственную программу, тогда и сами мы воспрянемъ духомъ, и на другихъ станемъ смотрѣть до вѣрчивѣе. — Тогда и молодежь наша возлюбитъ свое государство, какъ только можетъ любить страстная молодость, и намъ проститъ великодушно многія наши, противъ нея, прегрѣшенія, и сама она горемычная, теперь, отдохнетъ и тѣломъ, и душою, — возмется и направитъ, какъ слѣдуетъ, общее наше дѣло русское, а въ будущемъ приготовитъ и намъ самимъ добрую историческую па-

мать, и Россіи родить счастье и новое поколѣніе искренне-любящихъ свое государство гражданъ, вмѣсто теперешнихъ вынужденно-озлобленныхъ и бездольныхъ человѣко-ненавистниковъ...—

Никто не позволить себѣ и не можетъ требовать безусловнаго довѣрія государства къ своимъ людямъ, потому что государство, какъ универсальный воспитатель и руководитель своихъ гражданъ, имѣетъ дѣло не съ бездушными автоматами, а съ людьми-человѣками со всѣми ихъ грѣховными слабостями.—

Тѣмъ менѣе имѣетъ правъ рассчитывать на безграничное къ себѣ такое довѣріе — молодежь, всегда приверженная нетерпимости ко всякой опекѣ, всякому авторитету, преданная увлеченіямъ, и мыслью, и словомъ и дѣломъ склонная къ отвлеченнымъ мечтаніямъ и утопіямъ.—Я все это принимаю въ расчетъ, со всѣмъ этимъ соглашаюсь, даже настаиваю, что особаго и безграничнаго довѣрія государства къ своимъ людямъ, покуда, и

быть не должно,—и все-таки, съ тѣмъ вмѣстѣ, утверждаю, что истинная государственная программа обязана оказать и проявить, ради самого государственнаго нашего успѣха, значительную долю такого довѣрія къ русскимъ людямъ, и въ томъ числѣ, и болѣе всего—къ самой русской молодежи, хотя и не пользующейся теперь никакимъ кредитомъ.—

Я утверждаю чѣмъ угодно, что русскій человѣкъ не способенъ оплачивать довѣріе — зломъ и измѣной, потому что такова правдивость и честность его неиспорченнаго характера.

Таже доброта русскаго характера, еще менѣе испорченная въ молодости, побудитъ молодежь нашу всѣми силами полюбить свое государство, пожертвовать ему всѣми симпатіями и мечтами, пойти на всякое самоотверженіе, если только довѣрчивый призывъ и программа этого государства будутъ вести къ цѣли высокой и истинно-полезной Россіи..—

Полиція и политика государственные — не совсѣмъ противоположны одна другой, но и не

должны идти объ-руку: добрая политика — врагъ полиціи, потому что сдерживаетъ ея значеніе настолько-же, насколько доброе воспитаніе, при туплая наклонности грѣховныя, суживаетъ сферу искусственнаго устраненія соблазновъ. — и достигаетъ этого прочнаго нравственнаго закала воспитываемой души своего питомца — болѣе всего, смѣлымъ, безбоязненнымъ обнаженіемъ и анализомъ фактовъ, каковы-бы они ни были. — И въ этомъ свободномъ демонстрированіи добра и неприкрытаго зла, заключается великое благо, находится всегда самая лучшая и прочная педагогическая сила, потому что не навязанное добро сильнѣе всего поучаетъ и привязываетъ къ себѣ, а обнаженное и не запрещенное зло — прахомъ исчезаетъ предъ силою здоровыхъ, правдивыхъ инстинктовъ, или прельщаетъ и ведетъ къ преступнымъ заблужденіямъ, съ которыми жизнь и педагогія предпочитаютъ лучше бороться какъ съ свершившимся уже фактомъ, чѣмъ тратить напрасно свои силы на искусственное замаскированіе зла, или безцѣльное, невыгодное, больше разрушающее, чѣмъ созидющее, пресѣченіе мѣрами полицейскими злыхъ соблазновъ. —

Это такъ должно быть — въ области педагогики, конечно. Но примѣненія этого-же самаго, практически-полезнаго и воспитательнаго принципа до-вѣрія къ здоровымъ человѣческимъ инстинктамъ возможно желать — и въ дѣлѣ государственной полиціи, по крайней мѣрѣ, въ той ея сферѣ, которая рассчитана на борьбу съ заблужденіями и преступленіями лучшихъ факторовъ человѣческой природы: мысли, слова и духа. —

Предоставивъ дѣло защиты неприкосновенности государственныхъ идеаловъ — могучей силѣ правды, истинности государственной программы, и — судейской, примиряющей совѣсти общественнаго мнѣнія и мысли, полиція можетъ и должна, вездѣ какъ и насъ, ограничиваться въ своей дѣятельности — только обнаруживаніемъ и возможнымъ пресѣченіемъ жизненныхъ фактовъ проявленія злой и растительно-животной воли человѣка, заботясь, въ этихъ предѣлахъ рациональнаго устройства полицейской дѣятельности, окупаемой дѣйствительными результатами, чтобы правда и совѣсть общественная не оскорблялись безнаказанно и въ такомъ объемѣ, который противорѣчитъ условіямъ жизни цивилизованной. —

Въ этомъ видѣ и объемѣ, дѣятельность, призваніе и назначеніе полиціи — и важно, и желательно, и дѣйствительно, полезно, даже — привлекательно, граждански, такъ сказать, симпатично. — Въ этомъ своемъ видѣ и устройствѣ, государственная полиція встрѣтитъ и встрѣчаетъ всегдашнюю любовь и содѣйствіе общества, и оправдываетъ вполне — и издержки, и хлопоты, которыя она можетъ причинять государству и народу. —

Можно даже пойти дальше въ этомъ вопросѣ производительности государственной полиціи, — и оправдать, и примириться настолько съ исключительнымъ расширеніемъ полицейской дѣятельности, чтобы признать компетентность и необходимость полицейскаго преслѣдованія и пресѣченія преступленій, особенно своеобразныхъ или противогосударственныхъ, человѣческой мысли, слова и духа, — но тогда желательно и неизбѣжно-необходимо такое предусмотрительное выраженіе криминальнаго закона, которое отдавало-бы преступника, въ этомъ случаѣ, въ руки правосудія — такъ-же сознательно, какъ подвергается тому виновникъ преступленій общегражданскихъ или уголовныхъ, формулиро-

ванныхъ постояннымъ и точнымъ, положительнымъ закономъ.

Можно, даже, пойти еще дальше въ полицейскомъ стѣсненіи свободы гражданъ: можно, съ радостью, согласиться отдать въ руки полиціи такую власть и полномочія, которыя ставили-бы ее выше даже суда, призывающаго къ отвѣту передъ лицомъ своимъ—только завѣдомаго, а не сомнительнаго преступника,—возможно, и ничуть не зазорно даже,—отдать полиціи право вязать и изслѣдовать, во всякое время, свободу и очагъ гражданина, но тогда—да будетъ-же это исключительное положеніе полиціи обставлено какъ слѣдуетъ своей цѣли, да будутъ-же, по крайней мѣрѣ—можно этого просить и желать—и эти исключительныя государственныя мѣры, и это тяжелое стѣсненіе гражданской свободы—полезны сколько нибудь государству и народу.—

Трудно себѣ и представить такія особыя несчастныя обстоятельства и опасности государству, когда-бы эти чрезвычайныя полномочія полиціи и власть главнокомандующаго въ обществѣ—были-бы необходимы и полезны государству, потому что государство поголовно подозрѣвающее

и воюющее съ гражданами, ежечасно нарушающее ихъ спокойствіе своими властными и назойливыми полицейскими мѣрами, — и ничего не спасетъ, и само рушится. —

Опытъ и криминальныя лѣтописи уже научили насъ достаточно, что одни суевѣрныя заподозриванія и якобы охранительныя, съ цѣлью пресѣченія преступленій противъ государственности и общественности, разрушительныя нарушенія неприкосновенности гражданскихъ привилегій, — рождать только несчастныя между нами и государствомъ недоразумѣнія, и, въ лучшемъ случаѣ только, обезоруживаютъ и угнѣтаютъ нашу общественную мысль и производительность. —

Сама жизнь уже обнаружила намъ, достаточно кажется, явственно, что эти воинственно-полицейскія мѣры мало находятъ дѣйствительныхъ и природныхъ враговъ государства и общества, а больше всего — имѣютъ несчастную способность только плодить и размножать — и этихъ враговъ, и нашу внутреннюю смуту, искусственно и вынужденно этимъ самымъ заставляя насъ олицетворять въ такой неумѣлой и враждебной дѣятельности

полиціи—идеи самаго государства, и тѣмъ уничтожная и нашъ патріотизмъ, и наше счастье и нашу молодежь, подло и позорно, или незаслуженно и несчастно теперь иногда погибающую. —

Даже въ области—легальной и здоровой болѣе или менѣе—общественной мысли, слова и совѣсти, трудно себѣ представить, чтобы была добровольная, сознательная вражда или враждебность къ государству quand même, по профессіи, такъ сказать, которая требовала-бъ противъ себя исключительныхъ и широкихъ, строгихъ или слишкомъ ограничительныхъ, недовѣрчивыхъ полицейскихъ мѣръ.—

Есть и такіе чудовища, озлобленные или фанатическіе недруги нашей государственности, — всѣ-мы это къ несчастью видимъ и знаемъ, но такихъ еще, слава Богу, покуда немного, и они враги не только государства, но и общества, а потому, этимъ самымъ —даютъ государству надежнаго и сильнаго, кромѣ полиціи, союзника въ лицѣ всего этого общества и народа.—Притомъ-же, всѣ мы такъ или иначе знаемъ и чувствуемъ, что приобрѣли этихъ ужасныхъ враговъ безъ вины-виновато, создали и расплодили ихъ, болѣею частью,

сами-же, нашими порядками, распущенностью и неумѣлой или недовѣрчивой государственной программой,—въ этомъ клялись и этимъ оправдывались, по крайней мѣрѣ, въ своихъ чудовищныхъ дѣлахъ и заблужденіяхъ, сами эти враги нашей государственности, когда ихъ правосудіе открывало и ставило предъ судомъ общественнаго мнѣнія.—

Въ этихъ клятвахъ, оправданіяхъ и словахъ нашихъ политическихъ враговъ, которыхъ мы со страхомъ, отвращеніемъ и вмѣстѣ-невольнымъ состраданіемъ имѣли случай видѣть и слышать передъ лицомъ суда, — много ужаснаго, много нечеловѣческаго, извращеннаго и вопіюще-безнравственнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ рѣчахъ и цинически-откровенныхъ признаніяхъ, наше ухо слышало и внушало намъ—вмѣстѣ со страхомъ, ужасомъ и озлобленіемъ за поруганное и такъ оскорбленное человѣческое достоинство этихъ преступниковъ-злодѣевъ—и невольныя угрызения собственной совѣсти, инстинктивное сознаніе собственной своей вины и участія въ тѣхъ ужасныхъ дѣлахъ, которыя мы судили.—

И въ этомъ болѣзненномъ и стыдливомъ содроганіи общественной совѣсти, судившей и изучав-

шей всѣ такіе несчастные наши политическіе процессы, кроется знаменательное и вмѣстѣ утѣшительное указаніе. — Тѣ чувства, которыя невольно оставались въ душѣ каждаго слушавшаго или читавшаго политическіе русскіе процессы, то подавляющее отпращеніе, смѣшанное съ нѣкоторымъ сострадательнымъ соболѣзнованіемъ, которое обуревало душу слушателя и читателя несчастныхъ рѣчей преступниковъ, — свидѣтельствуютъ, въ одно и тоже время, и о устойчивой крѣпости нашихъ государственныхъ идеаловъ, и — умаляютъ, хоть нѣсколько, вину ужасныхъ дѣлъ, убѣждая насъ наглядно, что сознательно и закоренѣло-злодѣйскимъ или анархическимъ чувствамъ нѣтъ мѣста и пищи въ сердцѣ русскаго народа... И дѣйствительно, не можетъ быть у насъ мѣста никакой смутѣ, нигдѣ и никогда, если мы устранимъ зародыши всякихъ аномалій среди насъ-же самихъ; устроимъ нашу жизнь, разберемся въ нашихъ симпатіяхъ, выберемъ мудрую и истинную государственную программу, и — твердо и довѣрчиво станемъ на дѣло служенія Россіи, какъ дѣти матери-земли одной, какъ люди - граждане напе-

редъ порѣшившіе и твердо знающіе, что и какъ нужно дѣлать...

Таковы, въ дѣлѣ ничтожности, нежизненности нашей внутренней смуты, наши личные убѣжденія, и таково, кажется, утѣшительное убѣжденіе всей лучшей и искренней части нашего общества, — то свидѣлствуютъ довѣріе и надежда на лучшее и самое свѣтлое будущее нашего государства, которыя поддерживаютъ и высказываютъ при случаѣ наша печать и литература. Таковъ-же, можно думать, спокойный взглядъ, на дѣло нашей политической смуты, и самого правительства, если считать возможно доказательствомъ этому: тотъ умиротворяющій и довѣрчивый тонъ и направленіе нашей внутренней политики, что успѣлъ покуда высказаться въ любовномъ и родственно-довѣрчивомъ вниманіи и признаніи дѣйствительной нужды народа — въ спокойномъ, твердомъ, не на мѣрахъ однихъ полицейскихъ основанномъ, теченіи нашихъ домашнихъ дѣлъ. —

Впрочемъ, повторяю, правильная политика не должна останавливать или мѣшать основательному ходу полиціи, — она только суживаетъ поле дѣйствій полиціи, умаляетъ, за ненужностью, ея

пространство дѣйствій и полномочій, но не исключаетъ ее совсѣмъ. — Даже, истинная государственная программа должна оказывать требуемое и ожидаемое отъ нее довѣріе къ народу — разумно и постепенно, по мѣрѣ расширенія самоувѣренности и здоровой самостоятельности этого народа. —

Можно, даже, согласиться, чтобы, вмѣстѣ съ обнародованіемъ истинной государственной программы, полиція была расширена, снабжена такими властными полномочіями, какими только она можетъ пользоваться, даже — такими правами изслѣдованія и стѣсненія очага и гражданской свободы мысли, совѣсти и слова, бесполезность и пагубность которыхъ я только-что доказывалъ. — Но должно, допуская такой просторъ дѣйствій полиціи, желать и требовать, чтобы такое полицейское, такъ сказать, сердцевищеніе гражданъ было дѣлаемо умѣло, мудро, по опредѣленной, закономъ начертанной, программѣ, а главное — въ связи съ такими положительными гарантіями, которыя не позволяютъ никогда полиціи страстно или своекорыстно увлекаться и злоупотреблять своимъ назначеніемъ и властью, — быть безответнымъ судьей въ своемъ-же собственномъ дѣлѣ

и ошибкахъ, или—сваливать безнаказанность и вину такихъ полицейскихъ несчастныхъ ошибокъ и пристрастія—на само государство, и тѣмъ-дискредитировать его власть, истинное назначеніе и силу патріотическаго, могучаго обаянія, которымъ, главнѣе всего, укрѣпляется и гражданское спокойствіе, и государственные успѣхи.—

Сила этого нравственнаго обаянія истинной государственной программы такова, повторяю это еще разъ, что положительно въ состояніи разрушить всякій антогонизмъ полиціи и политики; можетъ и должна указать той и другой вѣрныя цѣли и границы,—и слить всѣхъ насъ, разбросанныхъ и разъединенныхъ теперь, снова воедино въ этомъ девизѣ государства. — И молодежь наша первая поддастся, какъ я это уже столько разъ утверждалъ, обаянію истинной государственной программы, сама полетитъ на встрѣчу государственному призыву, если онъ хоть сколько нибудь будетъ довѣрчивый и дѣловой; забудетъ всѣ свои недоразумѣнія и мечтанія, или найдетъ, въ самомъ-же государствѣ, имъ предѣлъ и исходъ, станетъ въ ряды самыхъ ревностныхъ и искреннихъ борцовъ этой истинной государственной

программы, — и подъ такимъ гуманно-правдивымъ, и вмѣстѣ — національнымъ нашимъ знаменемъ пойдеть и сама объ-руку съ государствомъ, и другихъ успокоить и облагодѣтельствуетъ, и темный народъ поведеть за собою туда, куда должно идти этому русскому народу. —

Но насколько самъ этотъ темный народъ способенъ оправдать и воспользоваться — и такимъ довѣріемъ къ нему, и подобнымъ воспитательнымъ и гражданскимъ руководствомъ молодой своей интеллигенціи? На сколько и этотъ темный народъ-сфинскъ, не совсѣмъ разгаданный еще, и эта молодая его интеллигенція, очевидно заслуживающая всякаго довѣрія, способны ассимилироваться такъ удачно, чтобы не плодить больше никакихъ недоразумѣній и ошибокъ? Въ состояніи-ли наша лучшая и юная интеллигенція, которую государство снабдитъ довѣріемъ и пошлетъ въ народъ дѣлать его дѣло, — руководить, воспитывать и растить — и это дѣло, и этотъ народъ настолько умѣло и успѣшно, чтобы были плоды и жатва государственные, чтобы

въ результатъ новаго этого, любовнаго вполне и воспитательнаго, соотношенія—тьмы и свѣта умственнаго, неученаго народа и интеллигенціи — явился дѣйствительный и скорый, желанный успѣхъ, явились и взаимное пониманіе народа и интеллигенціи, и вѣрное пониманіе, исполненіе и преданность истинно-государственной программѣ, какъ со стороны интеллигентнаго руководителя практическаго исполненія этой программы, такъ и со стороны, въ особенности, самаго, руководимаго интеллигенціей и этой программой, народа? —

На бѣольшую часть изъ этихъ скептическихъ вопросовъ я уже отвѣчалъ смѣло и категорически утвердительно. — Бѣольшую часть этихъ сомнѣній, насчетъ надежности и правоспособности лучшей и молодой нашей интеллигенціи, я старался разрушить, насколько могъ, всяческими доказательствами. — Раздѣлитъ-ли читатель такія мои надежды и вѣру въ нашу молодежь, — это уже будетъ дѣло удачи всей моей, здѣсь сказанной, рѣчи, — и дѣло искренней чуткости ея слушателя. —

Во всякомъ случаѣ, не стану я повторяться въ моихъ увѣреніяхъ полной возможности и крайней, единственно для насъ спасительной, необхо-

димости оказать довѣріе молодежи, подарить ее почетнымъ призывомъ, даже приглашеніемъ на нашу жизненную арену, и, — съ благословеніемъ и всяческими самими лучшими надеждами, отправить въ народъ — дѣлать истинное дѣло русское. —

Я скажу только нѣсколько словъ въ защиту нравственного и духовнаго, умственного и общественно-государственного кредита, котораго вполне заслуживаетъ нашъ простой народъ темный. — Постараюсь смыть тяготѣющія на этомъ народѣ несправедливыя обвиненія въ косности и дикости или разнузданно-животности его инстинктовъ и влеченій; возстану и положительно протестую, во имя истины исторической и правды божеской и человѣческой, противъ заподозриваній умственной анархіи и душевной пустоты этого народа, и, наоборотъ, отдаю — чудесной и мудрой чистотѣ и величію сердца и характера нашего мужика - крестьянина — ту дань глубокаго уваженія, которою, заслуженно вполне, дарятъ его наши лучшіе и искренніе люди, знатоки и друзья своего народа. —

И дѣйствительно, такой оптимистическій и от-
радный взглядъ на нравственность, характеръ и

добрую силу народнаго ума-разума и сердца —ни-
мало не противорѣчить правдѣ: кто хочет слы-
шать и видѣть, тотъ провѣритъ, оправдаетъ и
наградитъ свой народъ самымъ искреннимъ ува-
женіемъ въ бѣльшей части его дѣль и предста-
вителей.—Что правда, то правда, и можетъ под-
лежать сомнѣнію только до времени, покуда сама
сила истины не возстановитъ свои нарушенныя
права.—Такъ и нашъ народъ—оправдается, совре-
менемъ, вполне даже въ глазахъ тѣхъ его искрен-
нихъ или фатально-предубѣжденныхъ недруговъ,
которые теперь сомнѣваются въ немъ или вся-
чески обвиняютъ.—Убѣжденныхъ и сознательныхъ
такихъ непріятелей народъ нашъ мало пріобрѣлъ
и не важными, душевными, своими недостатками
и преступленіями, а всего больше, кажется мнѣ
такъ, отталкивающей, грубой и безсловесной своей
внѣшностью; умысленныхъ-же и своекорыстныхъ
недруговъ народныхъ и принимать въ расчетъ
даже не приходится, потому что они временные,—
ихъ устранить и обезоружить сама истинная го-
сударственная программа, да къ тому-же и не
Разубѣдить ихъ одними словами.—

Важны не эти дѣйствительные и, при истинной государственной программѣ, безсильные совершенно недруги народа, а тяжелы, весьма неполезны Россіи тѣ убѣжденные и чистосердечные народные непріатели, или тѣ пристрастные скептики-мизантропы, что хулятъ, гнушаются мужика или не вѣрятъ въ народъ—или сами не зная за-что, а потому что не могутъ никого хвалить и любить, или оттого, въ большинствѣ случаевъ, что видятъ только непривлекательную народную внѣшность, а красоты и природной силы его души и ума разглядѣть—не умѣютъ. — Но неужели-же, неприглядность внѣшности—такое великое дѣло, что изъ-за нея могутъ рушиться всѣ другіе, болѣе вѣскіе, притягательные стимулы симпатій къ человѣку и народу? — И возможно-ли, чтобы зрчій, физически и духовно, изслѣдователь народа настолько пристрастно и близоручко поддался-бъ впечатлѣнію отталкивающаго внѣшняго быта этого народа, что изъ-за этой, временной и поправимой очень легко, некультурной обстановки, съумѣлъ-бы проглядѣть внутреннія, драгоцѣнныя, пригодныя, для всяческой цивилизаціи и совершенствованія, качества содержаемаго этой, временно только

некрасивой и съ виду совсѣмъ некультурной, скорлупы народной жизни? — Подобное заблужденіе по-ложительно невозможно, нелѣпо, было - бы, по истинѣ, невѣроятно, если-бъ сама жизнь не указывала бы намъ такихъ заблудшихъ, впавшихъ въ недоразумѣніе и сомнѣніе, народныхъ непріятелей, или невѣрующихъ-скептиковъ, пришедшихъ въ такое печальное настроеніе духа и убѣжденій по винѣ своего-же собственнаго близорукаго, неглубокаго, внѣшняго только и неосмотрительнаго знакомства съ народомъ, такъ безжалостно и несправедливо осужденнымъ... —

Время и истинная государственная программа, конечно, исцѣлять и этихъ, болѣзненно-мнительныхъ и неувѣренныхъ, ни въ себѣ, ни въ другихъ—людей, потому что болѣе зрѣлая оцѣнка и пересмотръ всѣхъ нашихъ убѣжденій наступятъ сами собою, если только объявится твердая, истинная эта государственная программа, и, съ тѣмъ вмѣстѣ—восцарствуетъ на Руси тотъ духъ довѣрія и правды, который непременно внесетъ съ собою во всю нашу больную жизнь сама истинная государственная программа. —

Жаль только, что эти мнительные и недоумѣ-

вающіе русскіе люди, теперь, разстраиваютъ, своими сомнѣніями и беспочвенными, гнилыми lamentaціями и утопическими надеждами, нашъ слабый строй и безъ того разрозненные силы, очень и очень нужны теперь для выработки истинной государственной программы. — Люди эти, скептики или утописты, не знаютъ вовсе нашей жизни, или изучили ее вполвину, по внѣшности одной только; мѣряютъ эту русскую жизнь по чуднымъ ей и фальшивымъ шаблонамъ, смотрятъ не въ самую суть вещей и правды житейской, а желаютъ видѣть только наряженные, торжественно разукрашенные, хоть и гнилые, красивые верхушки общественныхъ отношеній. —

Все прочее, до-безобразія ужасное, эти наивные люди проглядываютъ въ своемъ восторженномъ ослѣпленіи; а некрасивое только съ виду — презираютъ, безжалостно осуждаютъ и разрушаютъ, потому что ихъ фатальное и фанатическое суевѣріе не хочетъ знать логики и правды вещей, а знаетъ только казуистическую и поверхностную логику книжной доктрины...

Но, впрочемъ, пора кончить эту бесполезную полемику съ подобными господами жалкихъ убѣж-

деній: на нихъ не только слово, даже самый фактъ мало дѣйствуетъ, потому что привычка суете-философствовать попусту и строить воздушные замки—сдѣлала этихъ несчастныхъ фанатиковъ мыслями—и глухими, и слѣпыми. — Вотъ, когда они услышатъ мощный призывъ истинно-русской государственной программы къ дѣлу настоящему и живому, да увидятъ на себѣ самихъ благіе результаты этого дѣла, — тогда, статья иная, можетъ и образумятся. — Скажу только въ утѣшеніе этимъ и наивнымъ, и вмѣстѣ, досаднымъ, раболѣпнымъ поклонникамъ внѣшняго блеска и лоска, что сама таже истинная государственная программа удовлетворитъ, сейчасъ же — отчасти, а въ будущемъ, если Богъ приведетъ, то и вполнѣ — ихъ эстетическимъ государственно-общественнымъ наклонностямъ, потому что эта программа сію-же минуту начертаетъ въ своемъ содержаніи особый и пространнѣйшій пунктъ, которымъ повѣлитъ отдать Россію въ полное распоряженіе и работу всѣхъ, дѣйствительно полезныхъ и намъ очень нужныхъ, инструментовъ-цивилизациі. —

Она, эта истинная государственная программа, неизбежно должна будетъ признать, во первыхъ,

что самое постороннее образованіе не только не мѣшаетъ намъ въ нашемъ русскомъ дѣлѣ, но даже крайне необходимо по самой природѣ собственной нашей широкой и талантливой русской натуры, неспособной жить и работать для того только, чтобы прозябать жизнью животной и работой механической, профессиональной, только творящей средства къ жизни, но не наполняющей этой жизни полнотою удовлетворенія всѣхъ запросовъ безпокойнаго, пытливаго духа русскаго народа, отъ мала его до велика. —

Она-же, эта самая истинная государственная программа, воторыхъ, приметъ во вниманіе и постарается удовлетворить, по возможности, и эстетическимъ, дѣйствительно, наклонностямъ русскаго народа. — Русскій человѣкъ и вправду любить эстетику, вы не думайте, пожалуйста, противнаго. — Отчего-же не быть красавцемъ и самому, и не видѣть другихъ и все остальное красивымъ и привлекательнымъ, — это особое влеченіе русскаго сердца къ прекрасному, кажется, извѣстно намъ достаточно и изъ опыта, и доказано книжнымъ и словеснымъ путемъ; его-же, это эстетическое русское чутье подтверждаютъ — и слава на-

шей беллетристики, и успѣхи нашихъ народныхъ художествъ. —

Истинная государственная программа приметъ все это во вниманіе, не только санкціонируетъ своимъ направленіемъ, но и поощритъ такія наши прекрасныя влеченія къ гармоніи формы, и съ этою цѣлью — направить свои усилія къ развитію въ Россіи красиваго и правдиваго слова, широкой и высокой мысли, дать, однимъ словомъ, возможно широкій просторъ творчества и выраженія народнаго духа, и облагородить, въ этихъ-же воспитательныхъ и гуманныхъ видахъ, даже самыя наши государственно-общественныя учрежденія, но сдѣлаетъ все это, конечно, въ должныхъ границахъ дѣйствительныхъ и полезныхъ народныхъ нуждъ, а не вздорныхъ или фальшивыхъ фантазій... —

Такъ напр., истинная государственная программа, собравъ землю и людей, приступитъ сейчасъ-же къ сѣянію, на всей своей землѣ-Россіи, ума-разума — и въ городахъ, и въ селахъ и въ весяхъ: собранные люди и земля укажутъ и необходимость этого умственного просвѣщенія Россіи, и дадутъ, немедленно уже, кое-какія къ

тому матеріальныя средства. А въ будущемъ, которые, авось, Богъ дастъ, не загорами, собравшіеся окончательно люди и земля, укрѣпившіеся довѣріе и духъ общей правды—дадутъ силы Россіи имѣть въ каждомъ своемъ гражданинѣ: и Катона, и Аристиды и Циципината...

И такія мечтанія каждый вѣрующій русскій человѣкъ можетъ питать вовсе не шутя, потому что будущее счастье и благополучіе русское—вовсе не прозрачное, а вполне и очень возможное: мы такъ богаты и природой, и способностями, а главное—честностью и правдивымъ патриотизмомъ государственнымъ, что, если намъ ужъ не позволено такъ мечтать о своемъ будущемъ благополучіи, то — едвали найдется въ такомъ случаѣ, другой-кто такой счастливый... —

Все дѣло наше будетъ зависѣть, повторяю, отъ того, какъ скоро и насколько мудро-пространственно выработается истинно-русская государственная программа. А разъ это счастливо произойдетъ, то и всякія самыя радужныя мечтанія тогда возможны, потому что сама программа станетъ ихъ близить къ осуществленію своею строительною дѣятельностью.

И истинная программа эта не такъ ужь трудно и нескоро будетъ вырабатываться и дѣйствовать даже и на первыхъ порахъ, потому что найдеть, если поищеть и призоветъ къ дѣлу, уже готовыми въ нашей жизни многихъ этакихъ, фантастическихъ и мечтательныхъ теперь еъ виду, Катоновъ и Аристидовъ, честныхъ и самоотверженно-готовыхъ на всякій подвигъ ради государства и отечества. Они, эти честные и умѣлые русскіе люди и теперь, я говорю, есть, только обрѣтаются въ неизвѣстности, принижены и забыты, загнаны недовѣріемъ и всяческой бѣдой, въ безсловесное, нищенское прозябаніе и мертвую бездѣятельность. —

Цинциннатовъ-же, совмѣщающихъ работу духовную съ мускульнымъ трудомъ, людей мысли и живого ума, и, вмѣстѣ, тружениковъ сохи, — программа наша, какъ я уже пророчилъ это, сама постарается выработать, потому что такіе цинциннаты — самый производительный и спокойный для государства народъ: они безропотно, даже восторженно-охотно идутъ отъ сохи въ службу Царскую и общественную, когда ихъ зовутъ полезно послужить дѣлу государственно - общественному,

а отслуживъ свою службу, — такъ - же безропотно, спокойно, не затрудняя государство никакими для нихъ хлопотами и расходами, возвращаются снова къ своей сохѣ — бороздить и сѣять свою землю. — Лучшихъ, чѣмъ эти, порядковъ полезнаго сочетанія и, вмѣстѣ, раздѣленія труда, — трудно и придумать...

Цинциннатство совмѣщаетъ въ каждомъ его представителѣ — и обширнѣйшую, сложнѣйшую, — насколько можетъ быть сложнымъ механизмъ вполне работающаго человѣческаго организма, — фабрику, въ которой число возможныхъ производствъ и принципъ экономическаго раздѣленія труда доведены до послѣдней своей степени, потому что организмъ человѣка, воспитаннаго какъ Цинциннатъ, равно способенъ производительно дѣлать и работу умственно-духовную, и работу физически-мускульную, профессиональную. И вмѣстѣ съ тѣмъ, такая всеобъемлюще - универсальная подготовка человѣческаго организма ко всевозможнымъ видамъ труда, дѣлая его энциклопедистомъ человѣческихъ знаній, или принциповъ этихъ, по крайней мѣрѣ, знаній, развиваетъ и поддерживаетъ постоянно — и сноровку къ опыту

и професіональному приложенію этихъ теоретическихъ знаній въ нуждамъ жизненнымъ. — Этого мало: развитіе, подходящимъ воспитаніемъ и жизненной обстановкой, всѣхъ органовъ и способностей человѣческаго тѣла и духа — можетъ быть проведено настолькоъ правильно и успешно, что одновременная и одноличная работа мускуловъ и духа человѣческихъ — имѣютъ всѣ средства пребывать въ постоянномъ, счастливомъ и чудесномъ согласіи, не глуша и не убивая одна другую, какъ не мѣшаетъ и не препятствуетъ ничуть назначеніе способности delicateй гобеленовой фабрики съ успѣхомъ и безъ отвращенія готовить, когда то бываетъ нужно, грубую пряжу и нитки, дающія ей матеріальныя средства продолжать, выводить и обосновывать, наэтой грубой и не привлекательной, посредственной работѣ, свои восхитительныя гобелены.

Эту истину, какъ дважды два - четыре, доказывающую, что возможно достижимая нивелировка индивидуальнаго уровня общественныхъ способностей въ труду духовному и мускульному — есть залогъ соціальнаго спокойствія и производительности, истинно-русская государственная

программа, вѣримъ мы, приметъ также во вниманіе, и усвоеніе ея въ своей государственной жизни—сдѣлаетъ девизомъ будущаго.

Разъ это такъ будетъ порѣшено, то и не останется уже больше никакихъ сомнѣній по поводу того, нужно-ли или нѣтъ народу—не грамотность только, а—образованіе, въ возможно-широкомъ, подлинномъ смыслѣ этого слова.

Средства-же на народное пресвѣщеніе, если не сейчасъ, то въ послѣдствіи найдутся на это дѣло всенепремѣнно, мы это уже пытались доказывать выше: программа собиранія „земли и людей“ дастъ намъ богатство и счастье, слѣдовательно о средствахъ образованія народа и рѣчи быть не можетъ.

Какого характера и направленія должно быть это народное образованіе, и какимъ образомъ оно должно быть пропагандируемо, — вопросъ весьма важный, потому что онъ уже жизненный вопросъ, независимо отъ того, войдетъ-ли или нѣтъ, въ болѣе широкомъ видѣ, въ государственную нашу программу будущаго.—

Образсваніе народное уже и теперь идетъ и движется, потому что мы, уча мало, покуда,

самый народъ, весьма много успѣли уже приготовить интеллигентныхъ учителей ему, — вотъ по этому-то самому и назрѣла уже настоятельная надобность разобратся въ этомъ вопросѣ окончательно и теперь же Жизнь идетъ впередъ, мы медлимъ или ошибаемся дѣломъ, — и того и гляди, что проявится, вслѣдствіе этого нашего нерѣшительнаго раздумья, какая нибудь жизненная коллизія, вызванная какимъ-либо не вѣрнымъ разрѣшеніемъ этого воспитательнаго и образовательнаго вопроса Россіи. —

Учителей народныхъ создадимъ черезчуръ много, безъ должной осмотрительности и развертыванія воспитательной нашей арены и спроса на учительскій трудъ, — учителямъ этимъ, какъ бы они хороши ни были, некуда будетъ дѣваться, потому что не хватитъ на нихъ спроса за недостаткомъ народныхъ школъ. А учительское, какъ и всякое другое, наше теперешнее воспитаніе и образованіе не позволитъ имъ ориентироваться въ такомъ затруднительномъ и неожиданномъ прекращеніи рынка и спроса на ихъ знанія и трудъ, — оставить неминуемо это самое обстоятельство такихъ забракованныхъ жизнью

учителей — и безъ хлѣба, и безъжизненной колей, потому что воспитаніе этихъ, оставшихся за штатомъ жизни, такъ сказать, изъ рубъ вонъ — плохо, жидко, односторонне и пригнано къ одной только мѣркѣ и потребности. —

Наоборотъ, станемъ размножать народныя школы, но не подумаемъ, какъ слѣдуетъ, о воспитаніи учителей, — народные наставники не внесутъ въ школу того, что тамъ нужно нашему русскому народу. —

Плохо воспитанный или суевѣрно образованный учитель, вмѣсто полезныхъ знаній, внесетъ въ школу рутинный хламъ голыхъ фактовъ, мелочной запасъ опытныхъ деталей міровыхъ явленій, и обременить этимъ самымъ, и притупить, безъ нужды, память и умъ ученика, и не откроетъ ему этимъ ничуть тайнъ природы, даже затемнить рутинной и мертвенностью своего преподаванія всякое сознательное сколько нибудь пониманіе законовъ и принциповъ человѣческой мысли и знаній. —

Такой-же, плохо воспитанный въ школѣ, хоть и болѣе умной, но фальшиво-черствой, не согрѣтой теплой, гуманно-поэтической обстановкой, —

учитель, вышедшій изъ такой школы, и умнѣе, и осмысленнѣе, конечно, возьметъ, за свое воспитательное дѣло, но, также, не внесетъ въ него всей полноты и прелести дѣла живого, потому что самъ вышелъ изъ школы мертвой: онъ успѣетъ, пожалуй, дать пищу уму своего ученика, пріохотитъ его къ наблюденію фактовъ, и научитъ пониманію нѣкоторому міровыхъ явленій, — и это, конечно, успѣхъ большой уже для дѣла учительскаго, но не все, однако, дѣло и призваніе учителя исполнено будетъ только такимъ успѣхомъ умственного развитія ученика. —

Воспитаніе тогда только выдерживаетъ критику вполне, когда учитъ и даетъ пищу не одному только уму ученическому, но и сердцу. Воспитаніе сердца человѣческаго расширяетъ горизонты и самаго ума, указываетъ ему возвышенные, отвлеченные, а не только достижимые, позитивные, идеалы, не освобождающіе, вовсе, человѣка отъ суевѣрій и не дѣлающіе его, ничуть, царемъ мысли и природы: позитивизмъ этотъ, якобы эмансипирующій свободу мысли и духа, только имѣетъ способность, очень часто, низводитъ человека на ступень рабскаго и гнустнаго идолопо-

клонничества передъ ничтожнымъ фактомъ и проблематической, на этихъ микроскопическихъ фактахъ основной, самонадѣянной гипотезой. —

Нужно не малодушное такое приниженіе человѣка, достигаемое всегда въ результатъ при посредствѣ этого позитивнаго и трусливаго воспитанія мысли, а желательно и необходимо человечеству — мощное и, дѣйствительно, вполне свободное прозрѣніе высокихъ, необъятно-широкихъ, сильныхъ, чудесно-смѣлыхъ мыслей и идеаловъ, возвышающихъ и облагораживающихъ — и душу, и духовную самоувѣренность человѣка — первенца природы. — Дать такой просторъ, высокій полетъ и смѣлость человѣческой мысли одна образовательная умственная сила — не въ состояніи. Этакого успѣха добраго воспитанія человѣческаго сердца и духа достигнуть не въ силахъ — никакая школьная система и программа, будь она самая глубокомысленная, классическая или реальная — все равно: сдѣлать эту чудесно-духовную обработку нравственного склада питомца — можетъ только вполне развитой умъ, гуманный характеръ, правдивость и теплота сердца самого школьнаго учителя... —

Добрый такой учитель, въ своихъ собственныхъ инстинктахъ умственныхъ и душевныхъ, найдетъ и создастъ теорію и программу веденія школы. Все, что ему подскажетъ его развитой и, вмѣстѣ, скромный умъ и нравственное чутье — онъ включитъ въ эту программу сѣянія духовной пищи въ школѣ. Все, что способствуетъ поднятію уровня умственного и практической опытности школы, — войдетъ въ эту программу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уму ученика ничего не будетъ предписано банальнаго и пошло - мелкаго; не будетъ деспотически впитано ни одно пристрастное, полу-религіозное и фанатическое ученіе... Свѣдѣнность и чуткость развитого ума и сердца добраго учителя — всему сумѣютъ указать должныя границы и предѣлы, обнадѣжатъ воспитываемую мысль въ собственной силѣ и призваніи — рѣшать міровыя загадки; искренне сознаются, гдѣ нужно, въ своемъ безсиліи отвѣчать на эти вопросы, но не постыдятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказать вѣру, сомнѣнія и завѣтныя чувства своей собственной души... —

Для успѣха дѣла учительскаго и воспитательнаго, о которомъ я сейчасъ говорилъ, не нужно вовсе, чтобы учитель былъ человѣкъ догматиче-

ски-религіозный, — никакой тутъ умѣренности, аккуратности и клерикализма нисколько не требуется, — я вовсе не то хочу сказать: учителемъ добрымъ и всякимъ, даже закона Божія, по моему убѣжденію, можетъ быть каждый вполне развитой, но скромно-умный и вполне чувствующій, совѣстливо-правдивый человѣкъ. Чѣмъ меньше у него будетъ впитано всякой догматичности, — и научной, въ томъ числѣ, — тѣмъ лучше: такая искренность, правдивость, сердечность и гуманная вѣра и стремленія подобнаго человѣка-учителя ко всѣмъ высокимъ, инстинктивно и непроизвольно-приходящимъ на умъ, идеаламъ человѣчества, — лучшая и сильнѣйшая изъ религій, въ которой только можетъ нуждаться человѣкъ. —

Такое сердечно-гуманное, и съ виду шаткое, не-педагогическое, міровоззрѣніе учителя, незамѣтно для него самого и сильнѣе всякой прописной морали, внѣдрится невольно въ душу ученика и дастъ ему, навѣки-постоянное и по-истинѣ спасительное для человѣка, сочетаніе мудраго ума съ развитымъ и отзывчивымъ сердцемъ.. —

Говоря все это, я хочу убѣдить этимъ, что въ дѣлѣ воспитанія не столько важенъ его порядокъ

или система, сколько удачный выборъ самихъ школьныхъ руководителей.

Въ школѣ, какъ и вездѣ, намъ нужны только свѣжіе и молодые, и тѣломъ, и духомъ, руководители, а потому удаchi и успѣха добраго руководства народнымъ воспитаніемъ и образованіемъ — искать слѣдуетъ, всенепремѣнно, среди образованной нашей молодежи. —

Я не отрицаю, что выборъ этихъ людей-учителей народа очень труденъ, но думаю, вмѣстѣ съ тѣмъ, что само общество наше можетъ облегчить правительству заботу въ этомъ дѣлѣ, и, сообщая и при помощи своего чутья, опыта и знакомства съ потребностями нашей жизни, укажетъ и найдетъ нужныхъ людей и для школы. —

Помимо такой общественной помощи, въ вопросѣ раціональнаго и добраго народного образованія, окажетъ большую пользу и лучшая, коллегіально-свободная организація школы, и болѣе почетное и независимое положеніе школьнаго учителя. —

И такъ, истинная государственная программа „собиранія земли и людей“ не ограничится этой только задачей, а собирая и направляя все къ одной общей цѣли благоденствія полнаго Россіи, соберетъ, откроетъ и разовьетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нашу общественно-научную мысль, теперь мало устойчивую или неподвижно и мертвенно-косную. Просвѣтитъ эта программа и народный умъ-разумъ, дастъ ему направленіе, пищу и связно-цѣльную форму.

Всѣ такія цѣли истинной государственной программы указываются и самой ихъ внутренней правдивостью, и оправдываются жизненными и реальными запросами самого народа. А практическая достижимость этихъ цѣлей широкаго, возможно-общаго народнаго образованія — не подлежитъ сомнѣнію, — я старался уже доказать это и надѣюсь, что читатель проникнется тѣмъ-же убѣжденіемъ.

Что́ нужно сдѣлать, чтобы вѣрнѣе и справедливѣе осуществить эти народно-просвѣтительныя задачи истинно-русской государственной програм-

мы, — обнаружится само собою, когда программа эта начнет собирать своихъ людей: надъ этимъ вопросомъ подумаютъ и разрѣшатъ его основательно и сообща съ государствомъ сами эти новые люди-строители будущіе Россіи.

А въ дѣлѣ воспитательномъ, дѣлѣ сердечномъ, живомъ и деликатномъ, весь успѣхъ и будетъ зависѣть, какъ это мы доказывали, именно, отъ качества тѣхъ людей, которые его будутъ рѣшать и вершить. —

Конечно, и настоящая наша разъединенная и мало потому энергичная работа лучшихъ русскихъ людей — даетъ Россіи и въ этомъ народно-воспитательномъ вопросѣ полезные совѣты и предложенія. Кое-что въ этомъ отношеніи можно было сдѣлать и поправить и до сихъ поръ, и сейчасъ возможно и желательно очень, потому что и нынѣшнее ограниченное, но велико-важное, русское школьное дѣло даетъ народу не совсѣмъ доброкачественныхъ, какъ я сказалъ, и учителей, и науку. — Да, въ тому-же, и средства исправленія этихъ современныхъ недостатковъ школы выработаны и предложены, прежде и теперь,

работающими надъ воспитательнымъ дѣломъ, нашими людьми-педагогами.

Такъ напр., все нами высказанное уже въ пользу, болѣе достойнаго и гарантированнаго общественнымъ мнѣніемъ Россіи, выбора народныхъ воспитателей, и — независимаго, почетнаго положенія: самой школы и ея учителя, — сказано мною на основаніи убѣжденій, опыта и практики лучшихъ нашихъ педагоговъ. Можно было-бы высказать, по поводу русскаго школьнаго вопроса, и больше, потому что литература и школьная практика наша достаточно уже его выяснили, но это дѣло не входитъ въ мой планъ принципиальнаго, а не детальнаго разрѣшенія задачъ и вопросовъ русской жизни; да, притомъ, и дѣло самаго подробнаго и окончательнаго строительства — совсѣмъ не трудно, повторяю это, когда планъ постройки созданъ и готовъ, а строительный матеріалъ имѣется на лицо, или можетъ быть припасенъ во всякое время. —

Важно только весьма для истинной государственной программы твердо усвоить сейчасъ-же справедливо-мудрое убѣжденіе въ необходимости широкаго и общенароднаго образованія, — тогда

спадуть всѣ завѣсы и сомнѣнія въ нашемъ воспитательномъ дѣлѣ; это-же самое народно-воспитательное дѣло, разъ оно будетъ разрѣшено смѣло, широко и устойчиво, воспособствуетъ размаскированію и многихъ другихъ нашихъ государственно-общественныхъ сомнѣній и вопросовъ. — Въ самомъ дѣлѣ, только-что истинно-русская государственная программа правильно и твердо порѣшить создать, расширить и культивировать потребности народного ума-разума, — сейчасъ-же, для этой программы, — выяснится вся польза и необходимость возможно-полнаго и рациональнаго удовлетворенія и остальныхъ капитальныхъ, теперь не вполне или плохо удовлетворенныхъ, запросовъ народного духа. —

Запросы этихъ мистически-нравственныхъ сторонъ духа русскаго народа, дѣйствительно, такъ-же сильны и настойчивы, какъ и народная жажда свѣта умственного.

Народъ нашъ духовно возросъ и прозрѣлъ значительно съ того времени, какъ исторія подарила его физической свободой.

Традиціонная народная мораль: Царь, вѣра и отечество—теперь оказывается и недостаточной, и, вмѣстѣ, еще мощнѣе залегшей въ душу народную, потому что базисъ этотъ народнаго міровоззрѣнія, въ одно и тоже время, и расширился, и глубже, осмысленнѣе впитался въ сердце народное.

Такую переработку и расширение народнаго міровоззрѣнія создали—и реформенная исторія прошлаго царствованія, и тотъ свѣтъ духовный, что началъ съ того времени, вмѣстѣ съ освобожденіемъ народнымъ, постепенно озарять, расширять и укрѣплять мысль и духовныя очи всей русской земли.

Съ этого счастливаго времени и вслѣдъ за исторической реформой внѣшняго быта Россіи, народное сознаніе, видимо, растетъ; измѣняется и расширяется народное міросозерцаніе, и появляются тѣ новыя и переработанные, осмысленные запросы—религіозные и философскіе—народнаго духа и морали, о которыхъ я сейчасъ говорилъ: въ

традиційную свою мораль народъ нашъ вставилъ теперь новый элементъ— „правду жизни.“ —

Полу-сознательно, полу-наслѣдственно, но прочно и безповоротно этотъ новый, или только переработанный и осмысленный, элементъ „правды“: слова—съ дѣломъ, жизни—съ ея принципами, вѣры—съ ея внутренней истиной, —этотъ реформаціонный, духовно-нравственный идеаль, окончательно и убѣжденно, народъ внесъ, теперь, въ свой моральный религіозно-философскій катехизисъ.—

Исканіе „правды жизни“ искони вѣковъ было присуще русскому народу, но исторія не давала ему возможности и права укрѣпить, развить и осмыслить эту инстинктивную жажду и свое стремленіе связать политику, философію и религію—въ одно стройное и связное цѣлое. Реформа историческая, разрушивъ собою бѣольшую часть внѣшнихъ механическихъ препонъ дѣятельности и роста народнаго сознанія, освободила вмѣстѣ съ тѣмъ изъ оковъ и народную мысль, давъ этой мысли и относительный просторъ, и создавъ даже нѣкоторые такіе стимулы, которые сами побуждали народную мысль быстрѣе и энергичнѣе

работать въ томъ направленіи, куда издавна влекли ее природные инстинкты.—

Сбросивъ рабство и прозрѣвъ, вмѣстѣ съ свободой, нѣсколько и духовно, народъ освѣжилъ, укрѣпилъ свои завѣтные, истинно-христіанскіе идеалы, и началъ, теперь уже, не только открыто и твердо-убѣжденно исповѣдывать свою вѣру и мысль, но желаетъ, требуетъ, можно сказать— поголовно, дѣйствительнаго осуществленія своихъ идеаловъ въ самой жизни.—

Неправда этой жизни, этотъ разладъ реального, внѣшняго уклада жизни съ внутренними симпатіями народной мысли и вѣры,—не укрывался и встарину отъ народа несвободнаго, и теперь этотъ контрастъ народнаго созерцанія внутреннего и внѣшняго и болью, и невыносимымъ страданіемъ отзывается въ душѣ народа-христіанина, полного искренней любви къ ближнему, исполненнаго наивной даже приверженности къ „правдѣ“ жизни, въ которой, по его понятіямъ, должно все совмѣститься въ чудесной гармоніи, или — исчезнуть съ лица земли, какъ фальшивое, не истинное, не дающее нагляднаго подтвержденія на

примѣръ тому, что исповѣдуетъ общепринятая идея. —

Наивно-христіанскій-русскій народъ всегда былъ и останется, вмѣстѣ съ тѣмъ, и народомъ православно-реальнымъ, такъ сказать, для котораго правое слово есть и правое дѣло, даже должно бывать оправданнымъ самой жизнью настолько часто, чтобы быть осязаемымъ постоянно, — иначе, если не случается, на глазахъ народа, подобнаго реального воплощенія того, чему онъ привыкъ и умѣетъ такъ наивно-преданно вѣрить, — этотъ народъ приходитъ въ мучительное недоумѣніе, начинаетъ страдать отъ такого разлада, просить и требуетъ ему отвѣта и объясненія, и, не найдя такого отвѣта, или объясняя по своему, — перестаетъ даже вѣрить въ то, что всосалъ съ молокомъ матери, къ чему былъ такъ еще недавно страстно привязанъ, шатается душой, ищетъ другой новой и не мертвой, а живой вѣры — съ дѣлами, или — въ худшемъ и неизбѣжномъ случаѣ — впадаетъ, вслѣдствіе этого, въ крайнія духовныя заблужденія, создаетъ суевѣрія. —

Встарину такіе мучительные и опасные патологическо-психическіе процессы, порождаемые раз-

ладомъ слова—съ дѣломъ, жизни реальной — съ вѣрой въ нее, происходили въ душѣ народной и не такъ часто, и не такъ остро: они всегда являлись—это правда, но быть прошедшій народа своими безпросвѣтными условіями давалъ меньше поводовъ и пищи народному духу къ самосознанію и анализу своей мысли и жизни.—

Связанный цѣпями и окутанный потѣмками окружавшей его жизни, русскій народъ больше страдалъ тѣломъ, чѣмъ душою; запросы и страданія духа народного притуплялись постоянно одной уже только физической усталостью. Заваленный мускульной работой, крѣпостной человѣкъ едва имѣлъ время только для отдыха, и носилъ, естественно, въ изнуренномъ тѣлѣ — и такой-же изнеможенный, сонливый духъ.—Если и удавалось свѣту и мысли закрасться, кое-гдѣ, въ душу народную, то умственная и духовная эта жизнь народа сейчас-же подавлялась, замирала и глушилась самими условіями его быта, или высказывалась несмѣло, непроезжительно или извращенно—въ расколѣ, ересяхъ, сектахъ и другихъ религіозно-нравственныхъ ученіяхъ, наслѣдственно перешедшихъ, въ томъ-же или обновленномъ видѣ и

по тѣмъ-же причинамъ разлада идеаловъ народныхъ съ внѣшне-бытовымъ ихъ воплощеніемъ, — и въ нашу настоящую жизнь народную. —

Истинно - русская государственная программа не пойдетъ и не можетъ идти въ разрѣзъ ни съ однимъ изъ идеаловъ своего народа. Собирая землю и людей, программа эта устроить счастливый внѣшній бытъ народный; собирая и просвѣщая народную умственную мысль — устроить и удовлетворить запросы и потребности народного ума-разума и образованія, — не можетъ по этому быть непоследовательной эта программа настолько, чтобы не удовлетворить, по возможности какъ слѣдуетъ, и тѣхъ сторонъ народного духа, которыя создаютъ запросы религіозно-нравственные. —

Все, что будетъ сдѣлано государствомъ, въ этомъ вопросѣ, въ пользу свободы, непринужденности внутренняго творчества и внѣшняго выраженія народного духа, — будетъ сдѣлано въ пользу общаго единенія, мира и согласія. —

Нѣкоторое и возможное вниманіе, со стороны государства, направленное въ пользу осторожнаго содѣйствія и деликатнаго руководительства рабо-

той народной духовно-нравственной философіи, — будетъ содѣйствовать, въ одно и тоже время, и объединенію идеаловъ и философіи государственныхъ и народныхъ, и дастъ, главнымъ образомъ, народу ту „правду жизни“, которую онъ, теперь, такъ жадно ищетъ. —

Эта-же совмѣстная, дружественная и довѣрчиво-сотрудническая духовная работа государства и народа станетъ лучшимъ оружіемъ и гарантіей въ успѣшной борьбѣ здоровой мысли народной — и со всякимъ суевѣрнымъ ученіемъ, и воздвигнетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, надежныя преграды къ распространенію въ народѣ мыслей и вѣры больной, фальшивой, невѣжественнаго религіознаго раскола и еретическихъ ученій и сектъ. —

Я, дѣйствительно, глубоко убѣжденъ, что истинно-русская государственная программа, одной уже спасительной своей дѣятельностью „собиранія земли и людей“ удовлетворитъ, — помимо тѣхъ спеціальныхъ съ этою цѣлью мѣръ, какія она можетъ избрать, — всѣ главные запросы народнаго духа, укажетъ и дастъ, своимъ направленіемъ и самой государственной работой, ту „правду жиз-

ни“ и то внутреннее успокоеніе, котораго такъ ищетъ теперь нашъ народъ.—

Какія-же спеціальныя мѣры должно избрать съ цѣлью умиротворенія догматически-религіозной распри официальной русской церкви съ нѣкоторой, обособившейся, впавшей въ расколъ и иную вѣру, частью нашего народа (говорятъ около 10 миліоновъ!),— то въ этомъ вопросѣ можно разсуждать двояко:— или сами отпавшіе пойдутъ навстрѣчу, въ дѣлѣ примиренія, къ государству и церкви, потому что результаты и характеръ новой, программной, работы русской мысли, духа и дѣла—станутъ привлекательны истиннымъ своимъ величіемъ, или-же—въ этомъ случаѣ возможнаго и желательнаго объединенія русской вѣры и церкви—обстоятельства и трезвое, честное признаніе истины и правды заставятъ само государство и официальную церковь—сдѣлать кое-какія, въ традиціонныхъ церковныхъ догматахъ и порядкахъ, уступки въ томъ, за что будетъ стоять народное сознаніе...

Такимъ образомъ, и въ этомъ церковно-религіозномъ вопросѣ нашихъ духовныхъ смуть, несогласій и сектанства, истинно-русская государственная программа, какъ и въ остальныхъ сво-

ихъ задачахъ народнаго умиротворенія и строительства, должна будетъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ своей страны. Даже болѣе того: общенародная, здоровая и искренняя общественная мысль и совѣсть должна будетъ давать единственное содержаніе, идеи и направленіе самой государственной программѣ, потому что жизненные, вѣрные, истинные государственные идеалы и политика — не создаются никакимъ искусственнымъ путемъ, а живутъ, какъ сама истина и правда, только въ душѣ человѣческой, въ сердцѣ и совѣсти того народа, которымъ государство призвано верховенствовать и руководить въ его историческомъ ростѣ и назначеніи, — и оттуда уже, изъ этихъ недръ и тайниковъ души народной, вышедшія идеи, помыслы и желанія — должны быть разглядываемы, сортируемы подъ знаменемъ большинства-истинности, и вносимы въ государственную программу, въ самую жизнь и дѣло. —

Вотъ, по этой-то неизбежной и природной, стихійной, необходимости ловить истину — въ самомъ мірѣ и въ самой здоровой душѣ человѣческой — истинная государственная программа, увѣренъ я, не забудетъ и съумѣетъ оцѣнить по дос-

тоинству ту надежную помощь, которую может доказать въ ея дѣлѣ—правильное пользованіе общественнымъ мнѣніемъ своей страны. —

Этотъ вопросъ—правильнаго устройства основательныхъ средствъ выраженія народныхъ убѣжденій и желаній, т. е. проводниковъ общественного слова, мысли и совѣсти,—одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ содержанія истинно-русской государственной программы. —

И несомнѣнно, — онъ будетъ разрѣшенъ правильно: современная крѣпость и опредѣленность убѣжденій народныхъ, даже относительная зрѣлость и правдивость бѣльшей части самой интеллигенціи нашей — даютъ теперь, слава Богу, полную возможность считать эти убѣжденія русскаго общества здоровымъ проявленіемъ ума и чувства не младенческаго, а возмужало-истиннаго, и, слѣдовательно — лишаютъ государство печальной, но присущей руководителю народа неразвитаго, необходимости — игнорировать общественное мнѣніе своей собственной страны и — строить свои государственные идеалы и дѣло народное на основаніи опыта, знаній и убѣжденій другихъ, болѣе цивилизованныхъ, чуждыхъ государствъ и народовъ.. —

Истинная государственная программа Россіи настоящаго времени не встрѣтитъ, теперь, къ счастью, никакой такой нужды —искать, для своего содержанія, результатовъ работы лучшей человеческой мысли и дѣла гдѣ-нибудь насторонѣ, потому что своей собственной, или усвоенной, такой работы, слава Богу, довольно уже у насъ. — Мысль и общественное мнѣніе чисто-русское — уже создалось, повторяю, и съ охотой, съ преданностью и любовью несетъ свои національные выводы и идеалы — на совѣтъ государству. —

Теперь, нужно будетъ только подуматъ государственной программѣ какъ лучше разглядывать, слышать, понимать и пользоваться, для своей цѣли, этимъ, созрѣвшимъ и сформировавшимся исполнѣ, общественнымъ мнѣніемъ своего собственного народа.

Нужно, дѣйствительно, непременно обсудить: какими способами различать, сортировать болѣную и не вѣрную мысль общественную — отъ здоровой, истинной и полезной. Какими охранительными мѣрами, если эти мѣры окажутся еще нужны, преградить возможность этой болѣной, фальшивой общественной мысли находить въ странѣ и рас-

пространеніе себѣ, и прозелитовъ, — и какія, наконецъ, средства и органы выраженія общественнаго слова, мысли и совѣсти нужно признать наилучше способствующими и свободному, искреннему выраженію общественнаго мнѣнія, и наиболѣе надежными гарантіями его правдивости и истинности, полезности государственной и общественной. —

Эти вопросы безотлагательно надо порѣшить теперь-же, потому что того настоятельно требуетъ не только уснѣхъ будущаго дѣла русскаго, съ этими вопросами весьма и весьма связаннаго, какъ я уже добазывалъ это, — но требуетъ также, того-же точнаго и вѣрнаго опредѣленія степени свободы и характера проводниковъ и выразителей общественно-русскаго мнѣнія, — сама настоящая уже жизнь наша, мало и плохо, дѣйствительно, удовлетворенная современнымъ устройствомъ этого внѣшняго быта народнаго духа: мысли и слова печатнаго. —

Если цѣли истинной государственной программы будущаго Россіи выяснятся правильно и широко-мудро, то, къ этой необходимости хорошаго устройства быта нашей печати, прибавиться должна еще и крѣпкая забота о томъ, какъ приобщить къ этому средству печатному пользованія, въ цѣляхъ

государственныхъ, общественнымъ мнѣніямъ — еще и возможность знать непосредственный голосъ и мысль народа. — Это дѣло — много-важное, возможное, но дѣло, повторяю, будущаго. —

Въ настоящемъ-же положеніи истинно-русской государственной программѣ предстоитъ заботливо и энергично заняться устройствомъ печатнаго только русскаго слова. Въ этомъ отношеніи, она признаетъ, что ей крайне полезно знать, при посредствѣ печати, мысль и убѣжденія своего народа; что въ выразителяхъ и проводникахъ общественного мнѣнія нуждаются всѣ уголки русскаго царства, — и тамъ уже работаетъ и жаждетъ общенія русское слово и мысль. —

Разъ это повсемѣстное пребываніе дѣятельной и здоровой русской мысли будетъ констатировано, то этимъ самымъ выяснится и государственная необходимость. удовлетворить запросу этой повсемѣстной русской мысли на средства ея внѣшняго выраженія; выяснится, тогда, и даже признается необходимость — развить, поощрить работу и жажду печатнаго общенія такой повсемѣстно-зародившейся, просящейся на свѣтъ, здоровой и полезной русской мысли. —

Станетъ яснымъ тогда, вмѣстѣ съ такимъ кон-
статированіемъ пользы возможно-широкой печати,
и вопросъ о томъ размѣрѣ, характерѣ и устрой-
ствѣ, какое должны получить государственныя
орудія критической сортировки, и пропуска въ
печать мысли здоровой и полезной; обнаружатся
и лучшіе способы цензурной охраны народа отъ
распространенія въ немъ печатнаго слова бесполез-
наго. —

При разрѣшеніи всѣхъ этихъ цензурныхъ во-
просовъ могутъ быть приняты нѣсколько мето-
довъ, и, оттого, могутъ быть получены нѣсколько
разныхъ выводовъ, смотря по тому, съ какими
убѣжденіями и принципами приступимъ мы къ
устройству быта нашей печати. —

Если признаемъ, что въ общественномъ мнѣ-
ніи Россіи — много фальшиваго, гнилого и нездо-
роваго, а въ народныхъ убѣжденіяхъ — мало устой-
чивости, — тогда нужны напередъ выработанная
программа и критерій, чтобы правильно цѣнить
по достоинству ту мысль, которая такъ или
иначе высказывается и ищетъ себѣ аудиторіи.
Нужна тогда будетъ, разъ такое, печальное и не-
довѣрчивое къ русской мысли, убѣжденіе соста-

вится, и предусмотрительно составленная система такой цензурной, предупредительной, охраны, которая представляла-бы, по своей рациональной организации, всѣ гарантіи къ тому, что дѣйствительно вредная мысль и слово — не пройдутъ въ печать, но, зато, слово правдивое, честное и дѣловое — безъ всякихъ затрудненій и радушно получаютъ всегда: и свободный доступъ въ народъ, и найдутъ себѣ безпристрастное правосудіе, если потерпятъ задержку или какія-либо излишнія, общимъ критеріумомъ и законной программой не установленныя, пренятствія . —

Если-же, при разрѣшеніи печатнаго и цензурнаго нашего вопроса, отбросимъ подобную безнадешную вѣру въ недостатокъ въ русскомъ народѣ такого добраго, природнаго и нравственнаго чутія, которое позволяло-бы ему самостоятельно и инстинктивно различать правду отъ лжи и неправды, безъ всякой опасности заразиться такой проповѣдуемой ему, хотя-бы и прекрасно, неправдой, то — въ такомъ случаѣ вопросъ легко и самъ собою разрѣшится еще опредѣленнѣе. Тогда, при такомъ отрадномъ и довѣрчивомъ убѣжденіи въ основательной стойкости и правдивой про-

зорливости народного духа, не представится и вовсе никакой необходимости заботиться объ организаціи и практикѣ въ Россіи, какой бы то ни было предупредительной, съ цѣлями государственными или народно-воспитательными, цензурной охраны безопасности здороваго и устойчиваго общественнаго мнѣнія въ соприкосновеніи съ словомъ и мыслью вредною и суевѣрною. Въ этомъ случаѣ, мощная и правдивая стойкость народныхъ убѣжденій—сама обнажитъ ложь и фальшь, найдетъ въ этомъ знакомствѣ съ разгаданнымъ и развѣнчаннымъ зломъ—даже нѣкоторую опытную пользу и лишній стимулъ къ добру, а общественная совѣсть сама-же осудитъ и накажетъ этихъ искуссителей и оскорбителей народной правды и нравственности, злыхъ пропагандистовъ вреднаго печатнаго слова...

Закончу мою рѣчь пожеланіемъ въ новомъ году—я пишу это какъ-разъ наканунѣ 1882 года—удачи и себѣ, и читателю, и нашей родной Россіи—всякаго счастья и благополучія...

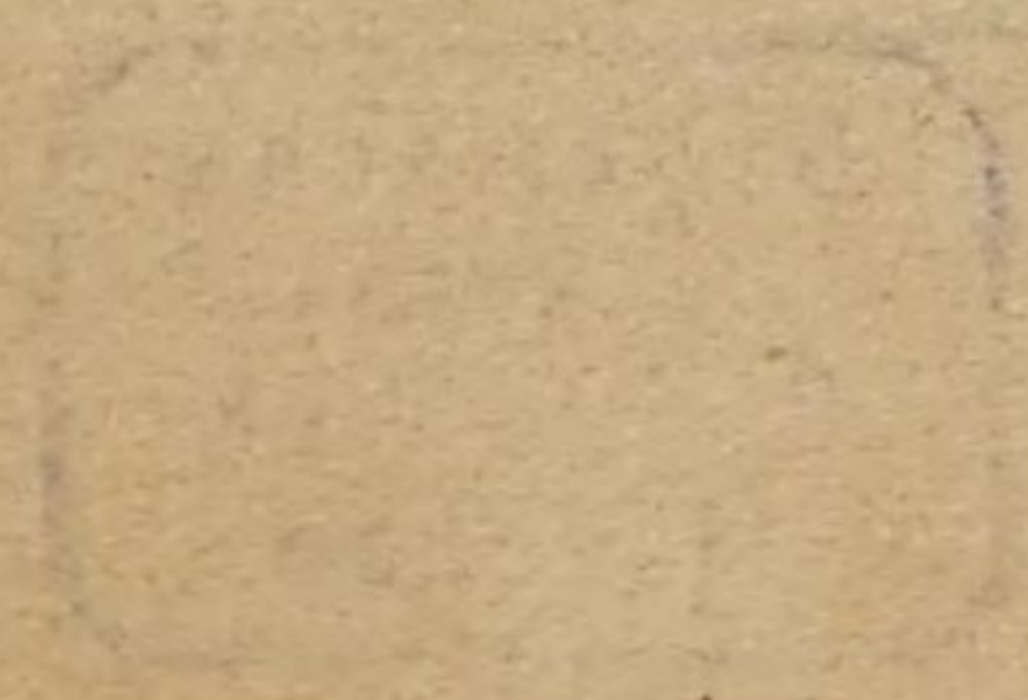
ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:		Читать слѣдуетъ:
Стр.	Строка.	
58	2 сверху:	деравною эгидою <i>державною</i> эгидою.
64	7 снизу:	познакомтъся <i>познакомиться</i> .
81	6 сверху:	желательное необ- <i>желательное и</i> необхо- ходимо-полезное <i>димо-полезное</i>
95	11 снизу:	сихъ молодыхъ ра- <i>силъ</i> молодыхъ работ- ботниковъ. <i>никовъ</i> .
100	10 " "	полодоперемѣнную и <i>плодоперемѣнную и</i> вся- и всякія иныя. <i>кія иныя</i> .
101	2 сверху:	словомъ—благополучіе <i>словомъ—благополучіе</i> полное. <i>полное?.. —</i>
102	8 " "	культурной земли <i>культурой</i> земли.
139	6 " "	подавляющее отпра- <i>подавляющее отвра-</i> щеніе. <i>щеніе</i> .
147	9 " "	что вивидятъ <i>что видятъ</i>
149	9 " "	по чуднымъ ей <i>по чуждымъ</i> ей
151	1 " "	самое постороннее <i>самое всестороннее</i> .
153	2 " "	а въ будущемъ, ко- <i>а въ будущемъ, кото-</i> торые <i>рое</i>
153	10 " "	вовсе не прозрач- <i>вовсе не призрачное</i> ное
156	12 " "	назначеніе способ- <i>назначеніе и</i> способно- ности <i>сти</i> .
156	4 снизу:	уровня обществе- <i>уровня общественныхъ</i> ныхъ
160	6 сверху:	дать пащу <i>дать пищу</i>
161	3 " "	основной самонадѣ- <i>основанной, самонадѣ-</i> янной <i>янной</i> .

MEMORANDUM

TO : THE SECRETARY OF THE ARMY
FROM : THE SECRETARY OF THE NAVY
SUBJECT: [Illegible]
DATE: [Illegible]
[The following text is mirrored bleed-through from the reverse side of the page and is largely illegible due to fading and the quality of the scan.]

Государств.

Центральн.

БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
К ИГОБЪ ЕНА

II

Alyševskij, Nikolaj Âsonovič,

Čto takoe istinno-russkaja gosudarstvennaja programma? Očerki sovremennago
social'nogo položeniija v Rossii. Nikolaja Alyševskogo

S.-Peterburg 1882

Russ. 256 q

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11888037-4